

Глава 8

ШТУРМ САМОДЕРЖАВИЯ

*Начало открытой кампании обличения. — Русское политическое масонство. —
Заговор Гучкова. — «Безумный шофер». — Гучков и армия в 1916 году. —
Штурмовой сигнал Милюкова. — Убийство Распутина.*

§ 1. Начало открытой кампании обличения.

После августовского кризиса отношения между монархией и «прогрессивными силами», в лице Прогрессивного блока и общественных организаций, застыли на мертвой точке. И до Февральской революции с этой мертвой точки не сдвинулись. Совет министров больше не пытался изменить политику правительства, направить ее по новому руслу, что, по мнению Кривошеина, Щербатова, Сазонова, Самарина и их коллег, могло бы привести к политическому сотрудничеству правительства и общества.

Но и к репрессивным мерам ни против Думы, ни против общественных организаций как таковых правительство не прибегало. Предполагалось, что Дума будет продолжать законодательную деятельность, связанную с потребностями военного времени, а общественные организации — содействовать Особым Совещаниям в организации военного снабжения и надзоре за промышленностью и транспортом. Удивительно, что, несмотря на непрерывные трения между общественными организациями и правительством и неуклонное ухудшение отношений между Думой и царем, система Особых Совещаний, в которой общественные организации принимали деятельное участие, с точки зрения мобилизации всех сил на оборону страны, функционировала успешно. Правительство считало, что сведение счетов с Думой и бунтующими общественными организациями вполне можно отложить до победы над Германией. По мнению правительства, следовало только умерить политическую активность общественных организаций и препятствовать их объединению с революционным движением.

Но не так-то просто было обуздать разбушевавшееся честолюбие, за наносимые правительством оскорбления общественные организации немедленно расплачивались той же монетой. Например, как только правительство обнаружило свои намерения, назначив инспектором и официальным ревизором Союза городов известного чиновника охраны Виссарионова, общественные организации пригрозили правительству народными волнениями.

В показаниях Муравьевской комиссии председатель Союза городов Челноков рассказал о некоторых методах, которыми общественные организации пользовались для устрашения правительства¹.

Во время войны московская городская управа решила увеличить жалованье городских служащих на общую сумму в два с половиной миллиона рублей. Правительственные власти, в лице градоначальника Климовича, опротестовали решение городского совета. Тогда Челноков, московский городской голова, объявил, что ввиду протеста градоначальника жалованье служащим выплачено не будет. И сделал он это несмотря на то, что Климович готов был урегулировать вопрос путем обычной бюрократической процедуры и никаких оснований удерживать выплату текущего жалованья не видел. Вот до какой мелочности доходили сражающиеся стороны в непрерывной борьбе за власть и независимое вынесение решений. Большая часть недоброжелательства между царской администрацией и общественными организациями — в данном случае Союзом городов — объясняется межведомственной завистью, свойственной всем бюрократическим системам. Через четыре месяца после Февральской революции тот же Челноков пререкался во Временном правительстве со своими бывшими политическими друзьями и обвинял их в тех самых прегрешениях, которые прежде приписывал правительству Штюмерера и Трепова².

Как только провалилась попытка образовать «правительство народного доверия», либералы и радикалы всех оттенков стали понимать, что положение их крайне уязвимо, особенно в случае победоносного окончания войны. Патриотизм не позволял им прямо саботировать военные усилия.

Однако искушение ставить правительству палки в колеса, используя все растущее влияние общественных организаций в экономике, с тем чтобы свалить это правительство и заставить государя дать «правительство доверия», было у либералов слишком велико, чтобы от него отказаться: речь шла об эволюции России в направлении либеральной, прогрессивной, конституционной монархии, и это прекрасно понимали как думские политики, так и московские общественные деятели. Поэтому в нападках на правительство зазвучала новая нота: раньше кричали, что без общественных организаций правительство вообще неспособно выиграть войну, теперь стали безосновательно твердить, что правительство вовсе и не стремится к победе, а тайно готовит сепаратный мир и постыдную измену союзникам.

Этой новой тактике либералы начали следовать в сентябре 1915 года, что явствует из докладов тайной полиции о частных совещаниях в Москве, предшествовавших земскому и городскому съездам. Московское охранное отделение

возглавлялось в это время умным и дельным офицером, полковником Мартыновым, доклады которого, не раз нами цитированные, были опубликованы в 1927 году академиком Покровским наряду с другими материалами³.

Деятельность московских либералов в середине августа приняла форму частных совещаний, первое из которых состоялось в доме Коновалова 16-го числа⁴. Цель их была организовать поддержку новоиспеченному Прогрессивному блоку и его программе со стороны общественных организаций⁵.

На совещании у Коновалова был создан комитет, задачей которого стало распространение в стране идей Прогрессивного блока. Для этой цели должны были быть использованы общественные организации⁶. Затем последовал ряд банкетов и частных встреч, на которых обсуждалась возможность формирования либерального правительства и его состав. Эти предварительные совещания завершились неким событием: московская городская Дума приняла резолюцию, в которой просила государя дать «правительство народного доверия» и принять депутацию, которая передаст государю «верноподданническое обращение».

Протоколы заседаний Совета министров, о которых говорилось в предыдущей главе, не оставляют сомнений в том, что московское бурление было как-то согласовано с попытками недовольных министров заставить государя изменить состав правительства. Противодействие Горемыкина положило конец надеждам на мирное урегулирование трений между общественными организациями и Прогрессивным блоком с одной стороны и государем с другой. Удаление великого князя бесспорно считалось серьезным ударом по планам либералов. (Совершенно неожиданно москвичи стали тепло относиться к великому князю, который никогда не разделял их мнений и самоуправство которого на театре военных действий возмущало произволом и антисемитизмом даже членов царского правительства). 3 сентября Дума была закрыта на осенний перерыв, и это окончательно разрушило надежды на создание «правительства доверия». В Москве известие об этом было получено за несколько дней до открытия земского и городского съездов.

Августовская тактика либералов оказалась совершенно неудачной, и теперь, чтобы подстегнуть делегатов, требовались новые эффектные лозунги. Накануне открытия земского и городского съездов, 6 сентября, в доме московского городского головы М.В. Челнокова состоялось совещание, на котором присутствовали представители общественных организаций и Думы, включая князя Львова, Гучкова, Милюкова, Шингарева, Коновалова и многих других. Согласно донесению московского охранного отделения, на совещании была выяснена новая схема оценки реакционного

правительственного курса, и именно эта схема определяла политику либералов в течение последующих полутора лет⁷.

Резюмировав обстоятельства, приведшие к роспуску Государственной Думы, участники совещания пришли к выводу, что последние события — это результат вмешательства «черного блока», образованного в противовес Прогрессивному блоку. Предполагалось, что возглавляют «черный блок» германофильствующие придворные круги, что в него входит реакционное меньшинство Совета министров (т. е. Горемыкин и Хвостов) и правые партии обеих законодательных палат. Утверждалось, что «черному блоку» удалось удалить от государя наиболее верных ему людей из так называемой русской придворной партии, укрепив положение Горемыкина заменой министра внутренних дел Щербатова таким законченным бюрократом, как Крыжановский⁸, и удалением великого князя Николая Николаевича. Таким образом создавалась, якобы, ситуация, при которой государь вынужден будет заключить сепаратный мир с Германией.

В полицейском докладе подводится итог обсуждениям на заседании в доме Челнокова:

...Государь в плену у черного блока, государь командует армией, на государя валятся все обвинения в неподготовленности русской армии, и от него в любой момент зависит согласиться на те льстивые предложения о заключении сепаратного мира, которые уже решены императором Вильгельмом. Заключение же сепаратного мира составляет основную цель всех стремлений черного блока. Для членов кабинета в типе Горемыкина или в типе Крыжановского сепаратный мир также предпочтительнее победы четверного согласия. Статс-секретарю Горемыкину сепаратный мир не только сохраняет его положение, но и ведет к укреплению в России начал самодержавия, а для государственных людей типа Крыжановского — не все ли равно, какая судьба постигнет Россию, — им важно лишь с шумом и треском делать собственную карьеру и жить, упиваясь минутным торжеством своей личной силы... [Власть] явно стремится посеять всеобщее недовольство и вызвать всеобщую смуту, разъединить народ с армией и создать условия, при которых стало бы возможным, с одной стороны, заключение сепаратного мира, а с другой стороны — обращение армии, которая увидит себя предательски покинутой страной перед лицом врага, для усмирения внутренних беспорядков.

Учитывая существование мощного заговора «черного блока», участники совещания выработали следующие лозунги: 1) сохранять полное самообладание и избегать внутренних смут, которые лишь помогут врагу, т. е. «черному блоку», осуществить его «адские намерения»; 2) возобновить сессии законодательных учреждений, чтобы иметь возможность разоблачать правительство, которое сможет осуществить свои опасные замыслы только в том случае, если они будут скрыты от народа, 3) «создание правительства, облеченного общественным доверием, чтобы вырвать власть из рук тех, которые ведут Россию к гибели, рабству и позору».

Было решено также обратиться к населению с призывом о необходимости спокойствия и солидарности с героической армией, и — обратиться непосредственно к монарху, чтобы «открыть ему глаза» и поставить некоторые условия. Если царь не исполнит этих условий народа, то это «развяжет руки обеим сторонам и навсегда обособит царя и его народ». В заключение в полицейском докладе говорится:

С утра 7 сентября и в течение следующих суток происходило ознакомление членов съезда, действительно представляющих земские и городские самоуправления империи, с результатами, к которым пришло подготовительное совещание на квартире у Челнокова. Разоблачения эти производят на членов съезда ошеломляющее впечатление. Общее возмущение непрерывно растет.

Очевидно, чиновники министерства внутренних дел, которым был адресован доклад, сочли его выдумкой. И в самом деле, идея «черного блока» была плодом воспаленного воображения. Тем не менее, именно она стала лейтмотивом пропагандистской кампании, которую либералы начали на сентябрьских съездах 1915 года и вели вплоть до Февральской революции. Трудно себе представить, что собравшиеся в доме Челнокова ответственные политические деятели действительно верили в существование «черного блока». О том, откуда пошла эта легенда, не упоминает ни полицейский доклад, ни те, кто на ней настаивал. И все же возникает иногда впечатление, что кое-кто из крупных политиков был искренне уверен в том, что некие близко стоящие к трону силы рвутся немедленно заключить сепаратный мир. Родзянко был убежден в этом до смертного своего часа, хотя обосновать свою убежденность не мог никогда. Легенда о «черном блоке» распространилась в левых кругах и стала символом веры советской историографии. В двадцатые годы историк Семенников проявил немало изобретательности, чтобы придать ей черты правдоподобной исторической гипотезы. На московском Государственном Совещании в августе 1917 года лидер правых социал-демократов Церетели утверждал, что если бы

не Февральская революция, то Россия к этому времени уже заключила бы позорный сепаратный мир с Германией.

Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства тщательно изучила дела государственных чиновников, подозревавшихся в принадлежности к «черному блоку» и прогерманской партии. Из семи томов, содержащих материалы следствия, а также из блестящих воспоминаний А. Блока («Последние дни старого режима»), который был секретарем этой комиссии, явствует, что как бы ни были велики просчеты, коррупция и гнилость режима, никакой прогерманской партии, ни даже просто пораженческих настроений в среде царской бюрократии не было, это относится и к тем темным личностям, которые пытались протиснуться на привилегированные и влиятельные должности при дворе.

Равным образом в документах германского министерства иностранных дел, опубликованных после Второй мировой войны, ничто не указывает на контакты между германским правительством и предполагаемой прогерманской партией при дворе или в правительстве⁹.

Если верить полицейскому докладу, то на заседании в доме Челнокова не упоминалось о роли, которую играла в прогерманской партии царица. Однако, именно эта роль скоро стала ядром легенды о сепаратном мире, распространившейся в стране задолго до того, как П.Н. Милюков в знаменитой речи 1 ноября 1916 года подхватил ее. Предполагаемая связь «немки» с усилиями, направленными на то, чтобы заставить государя заключить сепаратный мир, была, очевидно, наиболее рискованным обвинением, выдвинутым оппозицией в 1916 году. Теперь, после опубликования писем императрицы, совершенно ясно, что в этих утверждениях не было ни капли правды.

В одном из лучших исследований предреволюционного периода эмигрантский историк Мельгунов (народный социалист) тщательно обследовал все источники этой легенды¹⁰. Его заключения были более отчетливы, но не менее негативны, чем заключения Муравьевской комиссии. Теперь для историков вопрос заключается не в том, правдива эта легенда или нет, а скорее в том, почему общество с такой готовностью ее подхватило, хотя реальная база для обвинений была совершенно ничтожна, почему с ней так носились люди, имевшие полную возможность проверить ее достоверность. Ответ прост, хотя и не делает чести тем, кто эксплуатировал этот слух, чтобы заручиться поддержкой народа.

Как мы знаем, слухи об измене настойчиво поползли после поражений 1914–1915 годов. Они усилились, когда общественность узнала о нехватке оружия и боеприпасов. Казнь Мясоедова и отставка Сухомлинова были восприняты как

несомненное доказательство свершившейся в высших сферах измены. Вероятно, лидеров либеральной оппозиции сильно впечатлило то, как слухи эти влияют на общественное мнение, они поняли, что их можно эффективно использовать в борьбе за политические реформы. Поэтому очевидная выгода была в том, чтобы в сентябре 1915 года, после того как рассыпались надежды на любовную сделку с правительством, пустить новый намек об измене и о существовании «черного блока».

Клевету в адрес Горемыкина, будто он ратовал за заключение сепаратного мира, больше не выдвигали на официальных заседаниях съездов, которые принимали резолюции, требующие создания «правительства доверия», и выбирали депутации для вручения резолюций государю¹¹.

Посылка депутатий не состоялась. Николай II отказался принять депутатов, которые вместо этого были вызваны к министру внутренних дел, где им было сказано, что хотя работа общественных организаций высоко ценится, их вмешательство в общегосударственные дела не может быть и не будет допущена. Князь Львов спорил с министром внутренних дел Щербатовым, настаивая на аудиенции у государя, но до получения Щербатовым ответа он был заменен А.Н. Хвостовым («племянником»), с которым князь Львов дела уже не имел. Вместо этого Львов написал царю витиеватое и лицемерное письмо, бесконечно трактующее на тему «правительства доверия». На письмо, поскольку нам известно, ответа не было.

Тон и содержание письма князя Львова объясняет, почему его обращение к царю имело так мало успеха. Написанное напыщенным, архаическим языком, оно расплывчато и неискренне в огульных обвинениях «правительства». В этом обращении автор делает вид, что верит, будто министры, противясь требованиям либералов, поступают вопреки воле царя, хотя Львов прекрасно знал, что это абсурд. Ниже приводится сокращенный вариант этого образца византийской риторики:

Ваше императорское величество. Мы, избранные от земств и городов русских, посланы сказать вам живую правду. Когда над Россией разразилась военная гроза, и с высоты престола раздался призыв к объединению всех сил на отражение врага, народ русский, как один человек, встал на защиту целости и независимости своей родины, отложив все внутренние разногласия и распри. Порыв, охвативший тогда всю Россию, соответствовал истинной мощи русского народа.

В глубинах народных, государь, происходят постоянные накопления сил, и дух освобождения летает над нами. Великие реформы вашего деда, незабвенного царя-освободителя, заложили в обществе плодотворные начала

самодеятельности, и вы, государь, внук царя-освободителя, привлекли представительство народное к «преобразованию государственному». Война развернула государственную мощь русского народа, и под тяжкими ударами государственная сила его только крепнет. Могущественный и внушительный образ единения сил встал во весь рост перед всем миром. Его увидели наши союзники и наши враги, но к великому несчастью отечества нашего его не хотело увидеть наше правительство. Оно одно не пошло по пути, указанному с высоты престола. В то время, когда армия наша без снарядов вынуждена была отступить перед врагом, отдавая ему политые своей драгоценной кровью земли, правительство с ревнивой подозрительностью усмотрело в высокопатриотическом движении народном опасность для власти, как будто дело шло о власти, а не о целостности, величии и чести России. Внутреннее хозяйство государственное приведено в полное расстройство, хаотическое состояние его грозит делу победы, а для правительства как будто нет войны. Мощь государства должна в такое время соответствовать духу народному, должна вырасти из него, как живое растение из земли.

Ваше императорское величество. От вас ждет Россия в эти роковые дни проявления величия верховной власти и единения с духом народным. Восстановите нарушенный правительством величавый образ душевной целостности и согласия жизни государственной. Обновите власть. Возложите тяжкое бремя на лиц, сильных доверием страны. Восстановите работу представителей народных. Откройте стране этот единственный путь к победе, загроможденный ложью старого порядка управления. Правительство поставило Россию над страшной бездной. В ваших руках ее спасение¹².

Можно допустить, что под впечатлением таких текстов, как письмо Львова, Пастернак через сорок лет написал об этом периоде русской истории:

Тогда пришла неправда на русскую землю. Стало расти владычество фразы, сначала монархической, потом — революционной... Вместо безотчетной живости, всегда у нас царившей, доля дурацкой декламации проникла и в наши разговоры, какое-то показное, обязательное умничанье на обязательные мировые темы¹³.

Неприянь со стороны царя и правительства укрепила в общественных организациях левые тенденции и заставила их лидеров искать иных путей для

достижения своих политических целей, нежели резолюции и просьбы. С этого момента в печати началась безудержная кампания обличений, направленная против всех тех государственных или политических деятелей, которые готовы были служить правительству. Одновременно был создан ряд частных комитетов, более или менее тайных, для изучения путей и способов оказания непосредственного давления на государя или даже для осуществления дворцового переворота.

§ 2. Русское политическое масонство.

К этому же времени, вероятно, относится создание тайного общества, связанного с масонством и устроенного по образцу масонских лож. До недавнего прошлого все, кто так или иначе был осведомлен о существовании этого общества, тщательно скрывали ту роль, которую политическое масонство сыграло в подготовке Февральской революции. Историки в большинстве случаев избегали касаться этой темы — отпугивала оскомина, оставшаяся от популярной в 20-е годы теории «жидо-масонского заговора». Как гадливость в отношении «Протоколов сионских мудрецов» мешала с научной объективностью исследовать подпольное революционное движение — так «документы Сиссона» воспрепятствовали изучению тайного вмешательства Германии во внутренние дела России в 1917 году¹⁴.

Возрождение русского масонства началось после революции 1905 года. Эмиссары французских масонов основали в России ряд лож («Северная звезда», «Возрождение» и другие). Важную роль в этом движении играл петроградский присяжный поверенный М.С. Маргулиес и известный князь Бебутов, член кадетской партии и депутат Первой Думы¹⁵. Когда, после разоблачения в печати, «Северной звезде» пришлось «уснуть», масонская деятельность по видимости на время прекратилась. В сентябре 1915 года, после провала переговоров с правительством, либералы и радикалы ощутили острую необходимость в конспиративной организации, члены которой проникнут во все сферы жизни России. И действительно, к началу сентября как будто относится проект некоего «Комитета народного спасения». «Комитетом народного спасения» подписан очень примечательный документ, найденный, как утверждает, среди бумаг Гучкова (Красный Архив, XXVI). Он озаглавлен «Диспозиция № 1» и датирован 8 сентября 1915 года.

В этом документе утверждается, что в России ведется две войны, одна против немцев, а другая, не менее важная, — против «внутреннего врага». Победа над немцами не может быть достигнута без предварительной победы над врагом

внутренним (имеются в виду реакционные силы, поддерживающие самодержавие). Те, кто сознает невозможность какого бы то ни было компромисса с правительством, призываются образовать «ставку» в составе десяти лиц, назначенных по признаку «добросовестности, твердости воли и веры в то, что борьба за права народа должна вестись по правилам военной централизации и дисциплины». Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Забастовки, вредные для войны и для интересов населения и государства, не допускаются. Лица, не подчиняющиеся директивам комитета десяти, будут «бойкотироваться», т. е. подвергаться остракизму и изгоняться из общественной жизни. В качестве ядра ставки для борьбы со «внутренним врагом» были выдвинуты трое — князь Львов, А.И. Гучков и А.Ф. Керенский. Гучков характеризуется в этом документе как человек, объединяющий в себе доверие армии и Москвы, «отныне не только сердца, но и волевого центра России».

Мельгунов¹⁶, упомянув об этом документе, озадаченно спрашивает: «Что это? Мистификация? Полицейское измышление? Плод досужей фантазии любителя измышлять проекты?» В недоумении Мельгунов обратился за разъяснением к Гучкову и Керенскому, и оба отрицали возможность такого союза в 1915 году. Керенский утверждал, что познакомился с Гучковым только после революции, а с князем Львовым осенью 1916 года. В сущности, это должно было бы насторожить историков относительно подлинности документа. Однако, совсем недавно появились новые свидетельства. Среди документов германского министерства иностранных дел мы находим доклад некоего А. Штейна, который был не кем иным, как эстонским националистом Александром Кескюлой¹⁷, одним из главных агентов германской «Revolutionierungspolitik» в России¹⁸.

9 января 1916 года он писал лицу, через которое осуществлялась его связь с германским генеральным штабом, сообщая о некоторых «чрезвычайно интересных революционных документах из России», которые просил переправить Ленину.

В одном из этих документов (пишет Кескюла) ... составленных московским «Комитетом народного спасения», предусматривается диктаторское правление в России, в составе, среди прочих, гг. Гучкова, Львова и Керенского (?), что чрезвычайно занятно. Судя по комически сентиментальному потоку многословия, это должно быть воззванием правого крыла так называемых народных социалистов.

Документ, о котором говорит Кескюла, несомненно тот же, что и документ, опубликованный в «Красном Архиве» XXVI. Его, вероятно, получил в России эмиссар Кескюлы — Крузе, разъезжавший по стране осенью 1915 года¹⁹. Таким образом датировка «Диспозиции № 1», вероятно, точна. Как правильно утверждает Мельгунов, этот документ, несмотря на «поток многословия» (и, возможно, именно вследствие его), точно отражает настроение московской оппозиции в 1915 году. Он носит пророческий характер в упоминании о центре в составе десяти членов, включая князя Львова, Гучкова и Керенского: таков и был состав первого Временного правительства. Историческое значение «Диспозиции № 1» состоит не столько в свидетельстве о существовании «Комитета народного спасения» (который мог остаться несбыточной мечтой), сколько в том, что направление ее идей было известно не только анонимным авторам, но и большевистскому революционному движению за границей, с Лениным во главе, а также германскому генеральному штабу и германскому правительству, которые позаботились препроводить документ Ленину. Диспозиция была, вероятно, известна и Гучкову, даже если он и не был одним из ее авторов, ибо у нас нет причин сомневаться, что Диспозиция была найдена среди его бумаг.

Отпирательство упомянутых в документе лиц — в качестве ответа на предпринятые в 1931 году Мельгуновым попытки докопаться до истины — ставит в тупик²⁰. Но и само отпирательство это подтверждает общее впечатление — с сентября 1915 года и до февральских дней в среде либералов разрабатывались и обсуждались некие конспиративные планы, и участники этих обсуждений были связаны обетом молчания. Действительно, в воспоминаниях об этом времени есть бросающиеся в глаза пробелы. Ни Гучков, ни в то время близкий его сотрудник Коновалов, ни Терещенко и Некрасов, левые кадеты, министры Временного правительства почти все время его существования, не опубликовали исчерпывающих свидетельств об этом времени. А.Ф. Керенский, в многотомных мемуарах которого можно найти немало ценных исторических сведений, совершенно недостаточно осветил события, предшествовавшие образованию Временного правительства.

Молчание политических деятелей, о которых идет речь, тем более странно, что сдержанность и скрытность никогда не были характерной чертой русских либералов. Это естественно вызвало любопытство Мельгунова, который в своей книге²¹ подвел итог всему, что было известно о существовании тайных организаций в этот период. Мельгунов отмечает сходство в стиле и содержании «Диспозиции № 1» с масонским политическим жаргоном, выводя из этого сходства связь документа с возрождением в 1915 году политического масонства. Однако заключение, сделанное Мельгуновым в

тридцатые годы, не имело характера окончательности. Существование значительного в политическом отношении масонского движения накануне революции далеко не было доказано. Завеса тайны впервые была приподнята в воспоминаниях Милюкова, опубликованных в 1956 году.

Милюков утверждает, что четыре члена первоначального Временного правительства

очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника...

Милюков заканчивает непонятно загадочным замечанием:

Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то потому, что наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом лишь значительно позднее периода существования Временного правительства²².

Осторожное откровение Милюкова произвело, очевидно, значительный переполох среди живших в эмиграции бывших членов масонского движения 1915 года. В 1957 году Керенский посетил в Швейцарии одного из активных членов этой группы — Е.Д. Кускову.²³

В письме от 20 января 1957 года Е.Д. Кускова пишет своей подруге Л.О. Дан:

Всю пятницу с утра до вечернего поезда провела с Александром Федоровичем. Надо было обсудить, как поступить с упоминанием Милюковым той организации, о которой я Вам говорила... Он очень одобрил то, что я сделала: записав для архива и закрепостив на 30 лет. Он сделает то же самое. Но кроме того в своей книге, которую он пишет, он сделает предисловие, ответив на туманность Милюкова. Ответит лично за себя, обдуманно, и оба согласились о форме, в какой должно быть сделано осведомление. А вот болтовню следовало бы в Нью-Йорке по возможности прекратить: живы еще люди в России, люди очень хорошие, и их нужно пожалеть.

В двух других письмах (Н.В. Вольскому, от 15 ноября 1955 года, и Л.О. Дан, от 12 февраля 1957 года, — оба опубликованы в цитированной выше книге Аронсона) она приводит подробности, относящиеся к самой организации.

Связывая упомянутую организацию с возрождением после революции 1905 года масонства — возрождение, которое другие приписывали влиянию французского масонства, — Е.Д. Кускова утверждает, что русское масонское движение не имело никакой связи с зарубежным. Оно преследовало чисто политическую цель — восстановить в новой форме Союз освобождения²⁴ и подпольно работать для освобождения России. Непосредственной целью масонского движения было проникновение в высшую бюрократию и даже ко двору и использование их для революционных целей. Весь масонский ритуал был упразднен; женщины получили доступ в ложи; отменены были фартуки и прочие принадлежности; посвящение преследовало только одну цель: секретность и полное молчание. В ложах было только по пяти членов, но имели место съезды. Съезды давали клятву в сохранении полной тайны. Выходя из общества, член должен был возобновить клятву абсолютного молчания. «Это движение было огромным», — пишет Кускова в письме Вольскому от 15 ноября 1955 года²⁵.

Везде были «свои люди». Такие общества, как «Вольно-Экономическое», «Техническое», были захвачены целиком... До сих пор тайна движения, тайна этой организации не вскрыта. А она была огромна. К февральской революции ложами была покрыта вся Россия. Здесь за рубежом есть очень много членов этой организации. Но все молчат. И будут молчать — из-за России еще не вымершей.

В письме от 12 февраля 1957 года к Л.О. Дан (вдова меньшевика Федора Дана и сестра Мартова) Кускова уточняет:

Надо было завоевать военщину. Лозунг — демократическая Россия и не стрелять в манифестирующий народ. Объяснять приходилось много и долго — среда косная. Успех там был довольно большой.

Надо было взять в «наши руки» императорское «Вольно-Экономическое Общество», «Техническое Общество», Горный Институт и др. Это было проделано блестяще: всюду были там «наши люди»... Пропаганде было где развернуться.

Приходится удивляться, что такая широкая организация не была раскрыта и что в нее не проникли агенты тайной полиции. Во всяком случае, на это нет указаний в материалах тайной полиции, опубликованных советскими исследователями. Это, по всей вероятности, объясняется недолгим существованием политико-масонского движения и растерянностью тайной полиции, которой в это время управляли такие люди, как князь Щербатов, полусумасшедший А.Н. Хвостов и беспринципный Белецкий.

Вполне возможно, что темпераментная Е.Д. Кускова несколько преувеличила в письмах размах масонского движения, к которому она принадлежала до революции. Однако в общем все, что она говорит, сходится с тем, что известно о политических событиях в русских либеральных и радикальных кругах накануне февраля 1917 года. Ни кадетская партия как таковая, ни общественные организации, Земсоюз и Союз городов, ни Центральный военно-промышленный комитет не склонны были поддерживать революционное движение. Но внутри всех этих организаций были активные меньшинства, которые вели революционную пропаганду и подстрекали руководителей к свержению царского режима. В кадетской партии эту роль играли такие люди, как депутат Думы Некрасов и адвокаты Маргулиес и Мандельштам. Этот же Маргулиес был заместителем председателя Центрального военно-промышленного комитета, имея дело, в частности, с медицинским и санитарным снабжением армии²⁶. Мало-помалу подобные личности стали доминировать в общественных организациях. И на тех самых земском и городском съездах, которые в сентябре 1915 года завершились единодушным «ура» государю, присутствовали люди, которые ни на минуту не прекращали атаки против царя, его семьи и его правительства.

Мы не узнаем, какова была структура масонских лож и какова была программа этого движения до тех пор, пока члены его не опубликуют масонских архивов, если таковые существуют. Однако из имеющегося материала ясно, что в 1916 году ядро движения состояло из четырех человек, перечисленных в мемуарах Милюкова: А.Ф. Керенского, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова и А.И. Коновалова, к которым позднее присоединился депутат Думы И.Н. Ефремов. Во главе армейской сети стоял, по-видимому, депутат Думы граф Орлов-Давыдов, который примкнул к масонам еще в 1905 году и одно время был тесно связан с известным князем Бебутовым. Орлов-Давыдов был один из богатейших землевладельцев России и хорошо знал как Керенского, так и великого князя Николая Михайловича, двоюродного дядю царя и автора серьезных трудов по русской истории.

Что привлекло этих столь разнообразных людей в масонстве? С некоторыми оговорками, я склонен объяснить это психологическими факторами. Дух патриотизма, особенно в высших классах, был связан с мистическим представлением о царе как помазаннике Божиим. Постепенно религиозное отношение к власти самодержца ослабевало и в конце концов было вытеснено радикальной пропагандой, и тогда масонство дало замену, которой не мог дать эмпирически-утилитарный подход к политике. Характерно, что масонство соблазнило эмоциональный, романтический ум Керенского, склонного к типично русскому суеверию, тогда как Милюков, по имеющемуся свидетельству, противился всем попыткам завербовать его простыми словами: «никакого мистицизма, пожалуйста». Что касается военных, высших бюрократических и придворных кругов, то для них масонство, разумеется, носило оттенок снобизма. Оно, кроме того, давало возможность влиять на политические события, оказывая более или менее важные услуги «по-братски», и при этом исключало риск оказаться замешанным в «грязной политике».

Даже если исключить прямое воздействие масонства на политические события, то не следует все же преуменьшать его общего влияния в создавшейся политической атмосфере. Деление на посвященных и непосвященных было шире партийных границ. Партийная принадлежность и партийная дисциплина должны были уступать более прочным масонским узам. Более всех от этого пострадала партия кадетов. Когда настал час формирования Временного правительства, решения выносились не партийными комитетами, а влиятельными масонскими группами.

По утверждению Кусковой, масонство преследовало революционные цели, Милюков же полагал, что программа масонов была республиканской²⁷. Этот пункт требует разъяснений. Могло ли масонство делать ставку на революционное выступление масс во время войны, в противовес всем программам всех оборонческих партий? Это вряд ли возможно. Даже Керенский осенью 1915 года советовал рабочим прекратить забастовки. Опять-таки, революция размаха Февральской была, видимо, такой же неожиданностью для масонов, как и для всех остальных. Приемы политической тактики, на которые опирались масоны, были приемами общественных организаций, а именно — постепенно вытеснить царскую бюрократию из жизненно важных центров управления военной экономикой и заменить ее общественными деятелями. Они надеялись, что когда контроль над экономической жизнью страны полностью перейдет в их руки, то более или менее автоматически совершится и политический переворот.

Прежде чем покончить с этим вопросом, мы должны вернуться к одному довольно мрачному аспекту признаний Кусковой. Мы видели, что Кускова и ее друзья считали сохранение тайны политического масонства совершенно необходимым по той причине, что в Советском Союзе еще живы были некоторые участники движения. Согласно Кусковой, среди них были весьма известные члены коммунистической партии, причем имена двух из них она знала²⁸.

После Октябрьской революции Прокопович и Кускова были уверены, что масонская деятельность будет раскрыта, так как коммунистическая партия не потерпит участия своих членов в тайных обществах. И в самом деле, ассоциации масонов были объявлены в советском государстве вне закона. Это, по мнению масонов, живших в эмиграции, налагало обязанность молчать. Относясь с должным уважением к щепетильности масонов-эмигрантов, мы все же можем сомневаться в действенности подобных мер предосторожности. Мы уверены, что ЧК и ее преемники могли раскрыть все тайны русских масонов, в том числе и тайны членов партии. И если они не были разоблачены публично, то, вероятно, потому, что партия и государство не считали это целесообразным. Возможно также, что контакты, которые, по словам Кусковой, ей удавалось поддерживать с «братьями» в России, использовали для своих целей советские секретные службы.

§ 3. Заговор Гучкова.

Подготовка государственного переворота, имеющего целью устранение Николая II, — вот та область, в которой масоны сыграли наиболее заметную роль. Е.Д. Кускова отрицает участие масонов как таковых в гучковском заговоре. Но признает, что Гучков был масоном и о заговоре его знали, но не одобряли его до такой степени, что был поднят вопрос о выходе Гучкова из организации. Все это выглядит довольно запутанно, истина же, вероятно, много проще, чем может показаться из писем Кусковой.

Масонское движение было по преимуществу республиканским; Гучков был монархист. Он хотел устранить Николая II, чтобы укрепить монархию и играть в ней главенствующую роль. Ни цели, ни методы Гучкова не были целями и методами того масонского ядра Временного правительства, которое, в сущности, поспешило отделаться от Гучкова. Однако, по признанию Кусковой, масоны стремились заручиться поддержкой влиятельных правительственных, общественных и придворных кругов, и многие высокопоставленные чиновники и представители высшего общества были вовлечены в масонское движение. Не подлежит сомнению, что масонство глубоко

пропитало военные круги, особенно гвардейских офицеров, один из которых, генерал Крымов, впоследствии играл важную роль в гучковском заговоре. Именно тут масонские связи были чрезвычайно важны для Гучкова, и, конечно, он максимально их использовал.

Проницательной концепции Мельгунова²⁹ все же недостает подробностей, касающихся тех практических действий, которые Гучков предпринял для осуществления своих планов. Основным источником информации остаются осторожные и сдержанные показания Гучкова Муравьевской комиссии 2 августа 1917 года³⁰. Гучков утверждал, что план государственного переворота был составлен задолго до конца 1916 года, но он не уточнил даты и отказался назвать своих сообщников. Согласно плану, переворот должен был состоять из двух независимых акций, при участии ограниченного числа воинских частей. Первая акция заключалась в остановке императорского поезда где-нибудь между Царским Селом и Ставкой, с тем чтобы вынудить государя к отречению. Одновременно должна была произойти демонстрация войск петроградского гарнизона, как во время восстания декабристов. Должны были быть арестованы члены существующего правительства и оглашен список лиц, которые встанут во главе нового правительства. Гучков считал, что эта довольно причудливая вариация на тему дворцового переворота была бы встречена страной с радостью и облегчением.

Что касается роли армии, то Гучков в своем заявлении был чрезвычайно уклончив. Однако всего через четыре недели один из замешанных в заговоре офицеров, генерал Крымов, покончил жизнь самоубийством в связи с делом Корнилова. Его смерть потрясла его друга, министра иностранных дел Терещенко. В интервью, данном в начале сентября, Терещенко открыл, что Крымов принимал участие в заговоре, готовившем дворцовый переворот. Гучков категорически отрицал участие Крымова, а Терещенко так никогда и не попытался разъяснить этот чрезвычайно важный вопрос³¹. Однако, непосредственно перед февральскими событиями Крымов встречался и разговаривал с большим числом лиц, как на фронте, так и в столичных думских кругах, настаивая на необходимости устранить государя ради спасения монархии, и этот факт не подлежит сомнению. На него есть определенное указание в воспоминаниях Родзянко³². То, что Крымов был связан, с одной стороны, с Терещенко, а с другой — с Гучковым, решительно говорит о его принадлежности к масонству. С уверенностью можно сказать, что в попытках привлечь к заговору армию и гвардейских офицеров Гучков опирался на свои масонские связи.

Впоследствии, уже в эмиграции, Гучков приподнял еще один угол завесы, скрывавшей тайную историю заговоров, направленных к осуществлению неудавшегося дворцового переворота. В воспоминаниях, опубликованных в 1936 году, после смерти автора, в парижской эмигрантской газете³³, выявляется политическая комбинация, лежавшая в основе заговора. Гучков вспоминает, как в сентябре 1916 года он принял участие в тайном совещании в доме московского либерала М.М. Федорова, на совещании присутствовали Родзянко, Милюков и многие другие члены Прогрессивного блока. Обсуждалась возможность революции в России, и по общему мнению — патриотизм не позволял участия в революции в военное время; следует, де, законными средствами добиваться «правительства доверия». Если же низы выступят и начнутся уличные беспорядки, то надо оставаться в стороне, пока не кончится анархия, и тогда либералам несомненно будет предложено сформировать правительство, потому что только они, помимо царских министров, обладают некоторым опытом в государственных делах. Гучков утверждает, что его выступление прозвучало диссонансом, ибо он считал, что все это чистая иллюзия и что если либералы позволят революционерам свергнуть царское правительство, то власти им не видать. «Боюсь, — сказал он, — что те, кто совершит переворот, тот и станет во главе его».

Вскоре после этого совещания Гучкова посетил левый кадет Некрасов, слышавший его заявление и пришедший выяснить, имеются ли у Гучкова какие-либо собственные проекты для предупреждения народного восстания и для введения конституционных изменений другими средствами. По этому вопросу было достигнуто полное единодушие, и с этого момента Гучков, Некрасов и Терещенко (бывший тогда председателем военно-промышленного комитета в Киеве) сообща старались организовать группу офицеров, которые могли бы остановить императорский поезд между столицей и Ставкой и вынудить государя отречься.

Конечно, заговор Гучкова был не единственным, в это время вынашивались и другие планы, но к весне 1917 года Гучкову, очевидно, удалось продвинуться дальше прочих. Сам Гучков говорит, что если бы в феврале не вспыхнула революция, то в середине марта был бы осуществлен задуманный им переворот. Однако, несмотря на то, что заговор не осуществился, не следует преуменьшать влияния систематической атаки московских заговорщиков на старших офицеров русской армии. Во-первых, главнокомандующие разных фронтов и начальник штаба Верховного постепенно проникались идеей государева отречения, и когда в решительный момент Родзянко потребовал их помощи, они его поддержали. Во-вторых, вербовка заговорщиков среди молодых офицеров, очевидно, поколебала преданность царю, и этим можно объяснить

поведение офицеров во время восстания петроградского гарнизона 27 и 28 февраля. О мотивах его, или о секретных контактах с Гучковым, известно очень мало. Интересно отметить, что молодой князь Вяземский, вместе с Гучковым объезжавший казармы и стратегические пункты столицы в ночь с 1 на 2 марта, был убит, как говорят, шальной пулей, при обстоятельствах, которые остались невыясненными.

Гучков утверждает, что успех переворота зависел от благоприятствующего настроения страны вообще и армии в частности. Он с уверенностью рассчитывал на то, что перемена режима будет встречена с энтузиазмом, даже если придется применить насилие против «священной особы монарха». В своих показаниях Гучков довольно неожиданно замечает:

Надо иметь в виду, что нам не приходилось производить работу по пропаганде, нам не убеждать нужно было людей. Что старый строй сгнил, что он доведет до гибели — в этом убеждать никого не приходилось, но надо было технически организовать, надо было толкнуть людей на этот решительный шаг³⁴.

Эта оговорка Гучкова не означает, конечно, того, что и он сам, и лидеры общественности, которые тоже вели натиск на самодержавие, не приложили гигантских усилий к организации пропаганды, и эти усилия бесспорно увенчались успехом, тогда как успех «технической организации» так и остался сомнительным. Гучков был рычагом агитации, направленной на то, чтобы дискредитировать царя и убедить народ, что без немедленной смены режима война неминуемо будет проиграна.

§ 4. «Безумный шофер».

Пропаганда наталкивалась на недремлющую настороженность правительства и строгости военной цензуры, кроме того, приходилось преодолевать традиционную верноподданность широких слоев населения, особенно в офицерской среде. К тому же, положение на фронте значительно улучшилось, и успехи русской армии в Турции осенью 1915 года и на австрийском фронте летом 1916 года показали, что паническое настроение, охватившее общественное мнение после неудач 1915 года, питали преувеличенные слухи и общая нервозность. Стало ясно — несмотря ни на что, существующий правительственный аппарат все еще может выдержать колоссальное напряжение войны. Разумеется, либеральная и радикальная оппозиция приписывала улучшение военного положения в 1916 году усилиям общественных организаций и

патриотизму армии. Утверждалось, что улучшения произошли *несмотря* на политику правительства, находящегося под влиянием «темных сил».

С течением времени кампания обличений обрела почти истерический характер; клевета и безответственные обвинения сыпались в адрес всех тех, кто отказывался поддерживать оппозицию на внутреннем фронте. Общественное мнение больше всего будоражили не те статьи, в которых приводились частные случаи недостатков и злоупотреблений, а те, в которых под не слишком старательным иносказанием скрывались нападки на всю систему в целом.

Газетная кампания стала особенно острой в сентябре 1915 года, во время земского и городского съездов. Весьма типичным образцом жанра была знаменитая статья (№ 221 «Русских Ведомостей», сентябрь 1915 года) Василия Маклакова, рассудительного и умеренного лидера кадетской партии. Ниже приводится ее несколько сокращенный вариант.

Трагическое положение

... Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге; один неверный шаг и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша.

И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может: потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках или он устал и уже не понимает, что делает, но он ведет к гибели и вас и себя, и если продолжать ехать, как он — гибель неизбежна.

К счастью в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной; им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересесть на полном ходу нелегка и опасна; одна секунда без управления — и автомобиль будет в пропасти.

Однако, выбора нет, — вы идете на это. Но сам шофер не идет... Он цепко ухватился за руль и никого не пускает.

Заставить его насильно уступить свое место? Но это хорошо на мирной телеге или в обычное время на тихом ходу, на равнине, тогда это может оказаться спасением. Но можно ли делать это на бешеном спуске, по горной дороге? Как бы вы ни были и ловки и сильны, — в *его* руках фактически руль, *он* машиной сейчас управляет, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и *он* тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: «Не посмеете тронуть!».

Он прав: вы не посмеете тронуть... если бы даже, забыв о себе, вы решились силой выхватить руль — вы остановитесь: речь идет не только о вас, вы везете с собой свою мать, ведь вы и ее погубите вместе с собой...

Вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не мешать, будете даже помогать советом, указанием, действием. Вы будете правы — так и нужно сделать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится? Что вы будете переживать, если ваша мать при виде опасности будет просить вас о помощи, и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?

Офицер тайной полиции, обративший внимание своего начальства на эту статью, писал, что она широко распространилась в многочисленных копиях и что автор получил много писем, выражающих восторг по поводу ее опубликования. Благодаря подобным статьям, бурлящая атмосфера московских сентябрьских съездов сообщилась широким кругам читающей публики, порождая ощущение кризиса и нестабильности. Удивительно, что к действиям народ не призывали, не убеждали убрать «безумного шофера» и его правительство.

После сентября 1915 года общественные организации стали главным проводником этой разрушительной агитации. Повседневная работа неизбежно ставила их в тесное общение с бюрократическим аппаратом и военными властями. Они быстро распространяли новости и слухи о якобы имевших место махинациях «черного блока», существовавшего только в их воображении.

Общественные организации находились в постоянном конфликте с бюрократией, которой они должны бы были содействовать. Бюрократический аппарат несомненно устарел, медленно функционировал, часто не поспевал за событиями, а иногда был и не чист на руку. А общественные организации, со своей стороны, часто не имели государственного опыта, были недисциплинированы и анархичны в методах и не следовали принятым правилам отчетности: там легко укоренились и распространились новые формы коррупции.

Историку трудно обсуждать все за и против в вопросе о царской администрации и общественных организациях. Однако важно отметить, что ни та, ни другая сторона не проявили готовности честно и искренне отдать должное усилиям и достижениям противника. Это была беспощадная война, ведущаяся путем грубых взаимных обвинений, и агрессивная инициатива несомненно принадлежала руководителям

общественности. Самореклама общественных организаций была совершенно необузданной и фактически пережила политическое банкротство их лидеров. Уже эмигрантами многие из них сотрудничали в многотомном издании Фонда Карнеги, где отстаивались военные заслуги общественных организаций и приводилась масса соответствующих документов³⁵.

Даже то простое обстоятельство, что царское правительство вынуждено было терпеть открыто враждебные выходки, показывает, что общественные организации были незаменимы в мобилизации сил страны; и все же нельзя считать бесспорным утверждение, что они спасали страну от гибели не только без помощи и поддержки со стороны правительства, но и при его недоброжелательном сопротивлении. Во-первых, само правительство отразило удар, опубликовав цифры огромных субсидий, которые казначейство выплачивало общественным организациям, чтобы дать им возможность продолжать свою деятельность. Во-вторых, в зараженном антиправительственной пропагандой обществе, даже в кругах, настроенных прямо революционно, росло чувство, что в работе общественных организаций много злоупотреблений. Распространялись слухи об огромных прибылях фирм, которым военно-промышленные комитеты давали заказы, и негодование против этой новой и особенно злостной формы военной наживы росло. Ненормальное разбухание административного аппарата общественных организаций, часто дублировавших уже существующие инстанции, привело к тому, что все большее число мужчин требовало освобождения от военной службы. «Земгусар», ловкий парень в псевдвоенной форме, был обычным объектом сатирического фольклора тех дней. Правительство до поры до времени затаилось, выжидая момента, когда помощь общественных организаций станет ненужной и можно будет наконец-то спросить с них отчет в экономической и политической коррупции, поводов к чему накопилось достаточно.

Измумительно, что при всем этом Россия столько добилась, и в такой короткий срок. В 1916 году снабжение армии оружием и боеприпасами было налажено и, после стабилизации фронта зимой 1915–1916 гг., летом 1916 года обеспечило успех так называемого Брусиловского прорыва.

§ 5. Гучков и армия в 1916 году.

Улучшение военно-экономического положения не улучшило, однако, отношений между правительством и общественностью. После замены Горемыкина Штюмером (январь 1916 года), и особенно после отставки военного министра Поливанова (его

заменял генерал Шуваев), министры, председательствовавшие в четырех Особых Совецаниях, пытались свести на нет выгоды политического характера, которые общественные организации могли извлечь, продолжая заниматься своим законным делом. Это приравнивали к умышленному саботажу работы общественных организаций. Министры пытались контролировать расходы общественных организаций, так как большая часть средств поступала из казны. Такой контроль тоже не нравился, в нем видели попытку поставить деятелей общественности в положение государственных служащих. В этой тяжбе обе стороны взывали к главнокомандующим разных фронтов, напирая на разногласия и осыпая друг друга обвинениями.

По характеру деятельности общественных организаций, они имели непосредственный доступ к главнокомандующим, но отношение к ним генералов было зыбко. Общественные организации добились больших успехов в организации ухода за ранеными, помогали в эвакуации беженцев, ускорили снабжение. Они всегда готовы были поддержать требования военных, если в этих требованиях отказывало правительство, просто ради поддержания тактики оппозиции. Они всеми силами старались заручиться поддержкой военного командования, чтобы получить признание в качестве независимой экономической и политической силы. И наконец, кое-кто рассчитывал на поддержку армии в государственном перевороте, планы которого вынашивались Гучковым, кн. Львовым и другими.

Но и для взаимной настороженности тоже были основательные причины. Военные лучше кого бы то ни было знали, что общественные организации и правительство дополняют друг друга и что они не могут друг друга заменить. Ясно было, что патриотические по видимости побуждения либеральных лидеров сводятся на нет соображениями политики и честолюбия, что их вклад в военные усилия в значительной мере рассматривается ими как средство добиться желанных политических уступок. С точки зрения генералов, настоящей необходимости в проведении конституционной реформы во время войны не было, если только для умиротворения либералов. И им, очевидно, не нравилось, что заговорщики повторно и настойчиво пытаются заручиться их поддержкой в своих затеях. Но армия так зависела от работы Гучкова, Львова и других, что генералы, хоть и отказывались принять участие в заговорах, все-таки не доносили ни царю, ни охранке, хотя долг требовал от них именно этого.

Излюбленным методом Гучкова в распускании слухов и вовлечении влиятельных лиц в его замыслы было распространение напечатанного на машинке или mimeографированного материала, воспроизводящего частную переписку. Еще в 1912

году в правительственных кругах считали, что именно он пустил в ход mimeографированные копии писем, написанных несколько лет тому назад царицей и ее детьми Распутину; это был сильный, можно сказать, вероломный, удар по престижу монархии³⁶.

В сентябре 1915 года Гучков воспользовался тем же самым приемом, взявшись распространять от имени общественных организаций нецензурированные думские речи. А через год, в августе 1916-го, начал широкую кампанию, основываясь на одном из собственных своих писем. В этом письме, адресованном генералу Алексееву, Гучков яростно нападал на тогдашнего товарища военного министра, Беляева, и на правительство вообще. Еще до того, как письмо попало в руки публики, ему приписывалось значение документа государственной важности, составленного представителем московских либеральных кругов для передачи кому-то в Ставке, возможно самому государю. Охранка подхватила слух об этом документе фактически до того, как он стал ходить по рукам. К концу сентября копии письма Гучкова Алексееву появились в самых разных кругах, и разговоры о нем начали ходить открыто.

Письмо длинное и запутанное; оно начинается с порицания способа, которым военный министр управился с заказом на английские винтовки. Доводы Гучкова неубедительны³⁷, но нападки на военного министра — лишь введение к гневной филиппике, которой письмо заканчивается³⁸. Гучков писал:

Чувствуете ли Вы, в далеком Могилеве, то же, что чувствуем здесь мы — мы, которые ежедневно и даже ежечасно находимся в контакте с (военным) департаментом и со всеми другими правительственными органами?

Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведывании г. Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попечении кн. Шаховского, — процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках гр. Бобринского. А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюмером, у которого (и в армии и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, — а, следовательно, и вся

наша будущность, — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль и народные настроения.

Мы в тылу бессильны, или почти бессильны, бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и, при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, — и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают калоши и открывают зонтик.

Можете ли Вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая нашу отвратительную дипломатию) грозит пресечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем, и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров.

Простите мне это письмо и не обижайтесь на мою горячность. Никогда, как в этот роковой час, я не был так уверен, что обеспокоенность общественности, распространяющаяся на всех нас, хорошо обоснована.

Храни Вас Господь.

Когда обличения Гучкова достигли тех, кому были адресованы, в правительстве вспыхнули испуг и негодование.

Министр торговли и промышленности князь Шаховской говорит в своих воспоминаниях, что в сентябре 1916 года им были получены копии двух писем Гучкова Алексееву³⁹. Ввиду того, что в этих письмах содержались непосредственные нападки на него самого, он, через посредство Вырубовой, попросил аудиенции у государыни и 20 сентября был Милостиво принят. Излив государыне душу, он сказал, что считает своим нижайшим долгом предостеречь государя, ибо у него есть серьезные сомнения в преданности генерала Алексеева. Шаховской был уверен, что Гучков действует заодно с председателем Думы Родзянко и бывшим военным министром Поливановым. Он передал государыне для препровождения царю копию одного из двух писем (в 1952 году он все еще имел в своем распоряжении это письмо). Царица уже раньше слышала о письмах и рада была получить доказательство этой последней интриги ее заклятого врага Гучкова. Она немедленно написала государю:

Для начала посылаю тебе копию одного из писем Гучкова к Алексееву — прочитай его, пожалуйста, и ты поймешь, что бедный генерал выходит из себя, — а Гучков говорит неправду, подстрекаемый Поливановым, с которым он неразлучен. Предостереги серьезно старика против этой переписки, ее цель энервить его — и все это его не касается, потому что для армии все будет сделано и ни в чем не будет недостатка... Этот паук Гучков и Поливанов явно плетут паутину вокруг Алексеева и хотелось бы открыть ему глаза и освободить его. Ты бы мог его спасти⁴⁰.

У нас, к счастью, имеются косвенные данные для собственного истолкования отношений между государем и его начальником штаба⁴¹. 9 октября премьер-министр Штюрмер явился в Ставку для очередного доклада и сослался, среди прочего, на письмо, в котором содержались нападки и на него. Государь сказал Штюрмеру, что он ему полностью доверяет, попросил Штюрмера посмотреть ему в глаза и всячески успокаивал старика. Государь сказал Штюрмеру, что ему уже приходилось слышать об этих письмах и что он говорил о них с Алексеевым. По рассказу Штюрмера, государь сказал, что когда он спросил Алексеева об этом письме — вероятно, в конце сентября, т.е. по крайней мере за месяц до его широкого распространения, — Алексей отвечал, что впервые узнал о нем только тем же утром, и из двух разных источников: из письма жены и из письма главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта, который послал ему копию гучковского письма, так как оно ходит среди его офицеров. Эверт укорял Алексеева за переписку с таким негодяем, как Гучков.

Согласно Штюрмеру, Алексей сказал государю, что никогда не переписывался с Гучковым. Когда государь спросил, посылал ли Гучков письмо, о котором идет речь, ему лично, Алексей ответил, что не знает, и, порывшись в ящиках стола, этого письма не нашел! Государь заметил Алексею, что переписка такого рода с человеком, ненависть которого к монархии и к династии хорошо известна, — недопустима.

По рассказу Штюрмера — а он безусловно точен, — государь, когда ему сообщили о противоправительственной кампании Гучкова на недавних заседаниях военно-промышленного комитета в Петрограде, спокойно заметил, что Гучкова надо предупредить, что если он будет продолжать в том же роде, ему будет запрещено жить в столице.

Этот инцидент чрезвычайно показателен. Разумеется, главной заботой Николая II было утихомирить оскорбленного премьер-министра и предотвратить дальнейшие недоразумения между ним и Алексеевым. Поэтому в разговоре со Штюрмером он

преуменьшил значение своего объяснения с Алексеевым по поводу гучковского письма. Может быть поэтому он и уклонился от истины, сказав, что Алексеев отрицал переписку с Гучковым. Чтобы отрицать ее, Алексеев должен был совершенно потерять голову или солгать своему государю. Криминальное письмо начинается со ссылки на предыдущее, и Шаховской тоже упоминает о наличии второго письма. В воспоминаниях историка Лемке, военного корреспондента Ставки в 1916 году, отмечается, что в это время Алексеев и Гучков встречались лично и вели переписку⁴². При том, что Гучков был председателем Центрального военно-промышленного комитета, вряд ли могло быть иначе. Гучков несомненно пользовался любой возможностью заручиться доброжелательством военных кругов, это был необходимый элемент его замыслов, он вполне мог вести переговоры и переписку с Алексеевым, что и поставило последнего перед дилеммой. Алексеев мог либо скрыть эти переговоры от государя, либо обвинить Гучкова и его единомышленников в попытке завлечь его, Алексеева, в антиправительственный заговор. Очевидно, Гучков решил пустить в ход письмо от 15 августа, не спрашивая согласия Алексеева, чтобы заставить его действовать. Это, несомненно, поставило Алексеева в невыносимое, с моральной точки зрения, положение, и его замешательство должно было ужаснуть государя. Вполне возможно, что ухудшение здоровья Алексеева и его отъезд в Крым в ноябре 1916 года объяснялись, во всяком случае отчасти, моральным напряжением, испытанным в результате этого инцидента. Должно быть, те же причины определили его поведение в момент отречения, 1-го и 2-го марта 1917 года.

Мы почти ничего не знаем о том, что думал и чувствовал генерал Алексеев, находясь в Крыму. Единственное свидетельство принадлежит А.И. Деникину⁴³. Он пишет, что представители «некоторых думских и общественных кругов» обращались к Алексееву, прося его поддержать политическое решение вопроса, аналогичное тому, которое 1 января было предложено великому князю Николаю Николаевичу⁴⁴. Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны». Но и на этот раз не сообщил ничего ни государю, ни министру внутренних Дел. По словам Деникина, эмиссары кн. Львова и позже продолжали вербовать сообщников среди высших офицеров, находившихся на Фронте.

§ 6. Штурмовой сигнал Милюкова.

Пока Гучков на случай дворцового переворота пытался заручиться если не активной поддержкой, то хотя бы благосклонным нейтралитетом военных верхов, думские кадеты и их соратники по Прогрессивному блоку готовились атаковать правительство Штюрмера на открывавшейся 1 ноября сессии Думы. В течение всего 1916 года в кадетской партии шла длительная внутренняя борьба: лидер парламентской фракции Милюков высказывался за осторожность и сдержанность, тогда как его коллега Н.В. Некрасов⁴⁵ и кадеты Москвы и провинции настаивали на организационной связи с революционными элементами⁴⁶.

Замена ворчливого и упрямого Горемыкина сладкоречивым «дипломатом» Штюрмером (январь 1916 года) была со стороны государя попыткой задобрить Думу. Чтобы доказать свое желание мирно сотрудничать с общественностью и заодно представить нового премьера, царь решился на непредвиденное посещение Думы, которое состоялось 9 февраля. Его встретили большим одушевлением, очевидно, на минуту вновь подействовало обаяние его личности. Однако было совершенно ясно, что, хотя правительство готово на сотрудничество с общественными организациями во всех практических вопросах, в вопросе о конституции оно не уступит. Когда председатель Думы, во время государева посещения, спросил его, желает ли он немедленно объявить об образовании «ответственного министерства» (возможно, во главе со Штюрмером), государь ответил: «Это я еще должен обдумать»⁴⁷.

После этого Штюрмер стал мишенью кампании поношения гораздо более шумной, чем все, с чем имел дело Горемыкин. Несомненно, личность эта привлекательной не была. Штюрмер был придворный, интриган и карьерист, и его уму были совершенно чужды какие бы то ни было идеи политического характера или мысли об исторических судьбах России. Очень скоро вся страна стала говорить о его связях с Распутиным и распутинской кликой, связях, которые он пытался скрывать. Его доверенными лицами были темные авантюристы вроде небезызвестного Манасевича-Мануйлова⁴⁸, которые, опираясь на охранку, старались ловить рыбку в мутной воде, и это нанесло репутации Штюрмера наибольший вред.

Плохую службу сослужил ему и бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов («племянник»), умудрившийся, пробыв в должности едва ли три месяца, развалить и деморализовать (если можно такое сказать об этой организации) всю систему тайной полиции. Получивши власть по рекомендации самого Распутина, Хвостов решил избавиться от «старца» и убить его руками полицейских агентов. Но дело повели очень неуклюже и заговор провалился. Распутин узнал о нем и лишил Хвостова своей поддержки. До государя дошли разговоры о незаконном присвоении министром

внутренних дел денежных средств, Хвостов впал в немилость и был заменен — мера чрезвычайная — самим Штюрмером.

Падение Хвостова могло стать поворотным пунктом во внутренней политике России. Императрица, поддерживавшая кандидатуру Хвостова под влиянием «Друга»⁴⁹, раскаивалась и готова была как-то компенсировать свое вмешательство в государственные назначения. Доверие государя к способности Распутина судить о людях тоже было сильно поколеблено. Если и можно было когда-нибудь нейтрализовать влияние Распутина, то именно в этот момент. Но в ближайшем окружении царской четы не оказалось человека, который сумел бы ловко использовать ситуацию, а либеральные деятели не слишком были склонны избавляться от Распутина таким путем. К этому времени он сделался главной мишенью обличителей, поэтому устранение Распутина было выгодно только в том случае, если его можно было счесть признаком поражения монархии, а не свидетельством того, что монархия, хоть и с опозданием, обретает разум.

В течение всего 1916 года Николай II пытался найти путь примирения с Думой, избегая, однако, следовать думскому диктату. Примером может служить назначение в сентябре 1916 года бывшего товарища председателя Думы Протопопова на пост министра внутренних дел. Мы увидим далее, что это назначение, сделанное под влиянием Родзянко, не только не достигло поставленной цели, но лишь содействовало падению монархии и ускорило его.

Все эти попытки к примирению оставляли кадетскую партию безучастной. Кадеты считали политику Штюрмера предательской, а принятие Протопоповым должности — изменой принципу. При всем этом кадеты как таковые колебались примкнуть к революции. В феврале 1916 года Милюков особенно старался удержать левое крыло своей партии от революционных эксцессов. На одной из частных встреч он сказал:

Ради Бога, не поддавайтесь на провокацию тонущей реакции, не стройте ей желанных мостков, не снимайте с нее всей тяжести ответственности за новый военный разгром. Сейчас нам остается одно — все терпеливо снести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочущее настроение, и все потому, что при предстоящей близкой расплате положение правительства представляется безнадежным, а торжество русского либерализма — полным и безусловным. Правительство само неуклонно толкает себя в пропасть, и с этой стороны было бы совершенно нецелесообразно

какими-либо тревожными эксцессами раньше времени открывать ему глаза на ужасное безумие его игры⁵⁰.

Осторожность Милюкова не всегда разделялась либеральными и кадетскими кругами вне Думы, и по мере того, как исчезала надежда получить от Штюрмера конституционные уступки, эти радикальные элементы стали все громче возвышать голос. Как сказал один из лидеров московских либералов.

Глубокое разногласие между «милюковцами» и «провинциалами» происходит по основному вопросу: Милюков центр тяжести борьбы видит в парламентской борьбе с правительством, «провинциалы» же считают необходимым перенести центр тяжести в организацию масс, в сближение с левее стоящими политическими группами, в более решительной борьбе с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве всевозможных общественных организаций⁵¹.

Осторожность Милюкова была продиктована его лидирующим положением в Прогрессивном блоке, где отнюдь не все симпатизировали революционным склонностям левых кадетов. И когда кн. Львов и Челноков (в то время — московский городской голова) на одном из заседаний Прогрессивного блока в Петрограде высказались в том смысле, что революция — это единственный путь спасения, заявление это было встречено присутствующими явно неприязненно. Члены блока считали, что пойти на революцию во время войны — это все равно, что совершить государственную измену⁵².

Однако к концу лета 1916 года Милюков был зажат в тиски давлением левого крыла его собственной партии. Его всегда очень задевало, когда парламентские методы борьбы осуждались как устаревшие и неэффективные. Теперь он решил пустить в ход демагогию московских заговорщиков и в Думе начать обсуждение тех скандальных обвинений правительства, которые циркулировали по всей стране. Такая парламентская акция показывала, что Дума не отстает от господствующих в стране настроений и либеральной пропаганды. Этим и объясняется яростный тон знаменитого милюковского «штурмового сигнала» к атаке на правительство (и, разумеется, на монархию), который стал содержанием речи, произнесенной 1 ноября 1916 года на заседании Думы, после длительного перерыва возобновившей свои занятия.

Многие, включая самого автора, считали эту речь началом русской революции⁵³. Но даже если это мнение преувеличенное и речь Милюкова — лишь одна

из многих демонстративных акций либеральной пропаганды, она стала все же выдающимся событием. Ни для правительства, ни для председателя Думы выпад не был неожиданным. Они были предупреждены, что в торжественной думской речи, в день открытия Думы, слово «измена» прозвучит не раз. Вот почему, устало и монотонно прочитав бесцветную «Декларацию правительства», премьер-министр Штюермер сразу же покинул зал заседаний⁵⁴.

Речь Милюкова (образец демагогической риторики, который вряд ли делает ему честь как мастеру политического анализа) состояла из неопределенных и общих нападок на правительственную политику и правительственную администрацию, и перемежались они постоянным рефреном — «измена это или глупость?» Именно этот риторический вопрос и подействовал больше всего на воображение общественности. Он подтверждал тревожные подозрения об «измене на верхах», подозрения, которые сначала возбудило дело Мясоедова, а потом постоянно подогревала либеральная агитация. Когда о них громко заговорили с думской кафедры, а на Думу образованная часть общества смотрела как на источник информации и образец политической мудрости, смутные прежде подозрения превратились в общее убеждение. Как могла читающая газеты публика усомниться в словах, с думской кафедры произнесенных самым образованным и до сих пор наиболее умеренным лидером оппозиции? Раз Милюков позволил себе обвинить в измене премьер-министра, стало быть у него имеются солидные данные. А источник этих данных он раскрыть не может. (Было общеизвестно, что Милюков поддерживает связи с союзными дипломатами, много говорили также о значительной роли, которую он играл, будучи летом 1916 года членом парламентской делегации в союзных странах).

На самом деле Милюков не получал и не мог получить от находившихся в Петрограде союзных дипломатов никаких сведений о воображаемых переговорах относительно сепаратного мира. Он и сам признается, что впервые услышал эту сплетню летом 1916 года в Лозанне,

где у меня были кое-какие связи со старой русской эмиграцией. В этой среде все были уверены, что русское правительство сносится с Германией через своих специальных агентов. На меня посыпался целый букет фактов — достоверных, сомнительных и неправдоподобных: рассортировать их было нелегко⁵⁵.

Милюков, по-видимому, не прилагал особых усилий, чтобы «рассортировать» информацию, происхождение которой было, безусловно, туманно. Однако его по-прежнему интересовали обрывки сведений, при помощи которых можно было

обвинить Штюрмера и, следовательно, косвенно — царскую семью. В показаниях Муравьевской комиссии он напомнил, что пока Штюрмер был все еще у власти, ему — Милюкову — попала статья в американском журнале о предложениях заключить мир, внесенных Германией России, с портретами Ягова и Штюрмера бок о бок⁵⁶. Милюков — полагавший, что условия мира, предложенные, согласно «*Berner Tagwacht*», Штюрмеру, «достаточно правдоподобны», — признавал, что ни в момент выступления, ни впоследствии, будучи министром иностранных дел Временного правительства, он не справлялся ни об источнике, из которого поступили опубликованные газетой сведения, ни о достоверности самих этих сведений.

Сделай он это, ему бы открылось наличие тесной связи между «*Berner Tagwacht*» и теми слухами, что дошли до него летом в Швейцарии. Сообщения о переговорах между русским правительством и немцами стали появляться в «*Berner Tagwacht*» в сентябре 1916 года. В течение примерно двух недель газета давала все новые и новые подробности. И когда другая бернская газета, «*Berner Tagblatt*», подвергла весь этот материал сомнению, последовал ответ «*Berner Tagwacht*» — сведения вполне надежны, но назвать их источник газета не может по соображениям безопасности. Утверждалось также, что источников два и они независимы, один — стокгольмского происхождения. Когда неповоротливое русское дипломатическое представительство в Швейцарии наконец-то удосужилось представить опровержение, это только дало «*Berner Tagwacht*» повод поиздеваться над якобы имевшим место замешательством русских. Слухи замерли на страницах «*Berner Tagwacht*» так же неожиданно, как и возникли. К концу сентября о них уже даже не упоминали.

В этой связи следует вспомнить, что «*Berner Tagwacht*» издавалась Робертом Гриммом, который в 1912 году стал, в качестве главного издателя, преемником известного Карла Моора⁵⁷, швейцарского социал-демократического политического деятеля немецкого происхождения, который в течение многих лет осведомлял как германский, так и австрийский генеральные штабы о социалистах-эмигрантах разных национальностей, проживающих в Швейцарии. В 1916 году Гримм, по-видимому, непосредственно не состоял на службе у немцев, хотя через посредство других швейцарских социалистов, включая министра иностранных дел Гофмана, несомненно поддерживал связи с германским посольством. По первоначальному плану именно Гримм должен был сопровождать первый «пломбированный поезд», в котором Ленин ехал через Германию, и лишь позднее его заменили Платтенем. Равным образом, именно Гримм летом 1917 года отправился по приказанию Гофмана в Россию, чтобы

прозондировать почву для заключения сепаратного мира. Его связь с немцами была раскрыта, и Временное правительство выслало его через шведскую границу⁵⁸.

Именно на этом человеке лежит ответственность за распространение в сентябре 1916 года слухов о русско-германских переговорах. Он, возможно, и сам им верил, ибо весьма вероятно, что передал ему их сотрудник «*Berner Tagwacht*», подписывавший свои статьи «К. Р.» или «Парабеллум», а был это не кто иной, как Карл Радек. Можно предположить, что Радек был в то время тесно связан в Стокгольме с фюрстенбергом-Ганецким. Через год, как мы знаем, они жили на одной вилле. Условия сепаратного мира, которые германское правительство якобы предложило России, совпадают с теми, которые, по его утверждению, Колышко передал Штюмеру⁵⁹. Не следует удивляться, что авантюристические проекты Колышко через Фюрстенберга-Ганецкого и Радека попали в руки редактора «*Berner Tagwacht*»: Колышко и его деятельность были хорошо известны наставнику и покровителю Фюрстенберга-Ганецкого — Гельфанду-Парвусу. Таким образом круг замкнулся: Милюков, который думал разоблачить предательские козни Штюмера, сам попался в немецкие сети, расставленные с помощью Радека и Гримма.

Тут уместно вспомнить, какую реакцию слухи о сепаратном мире вызвали у Ленина. В декабре 1916 года он написал об этом статью, которая была опубликована в его газете «Социал-Демократ» 31 января 1917 года. В этой статье Ленин утверждает, что «совсем недавние» переговоры о сепаратном мире — факт, хотя замена Штюмера Треповым (в середине ноября 1916 года) и признание союзниками притязаний России на Константинополь, очевидно, указывают на то, что окончательными они не были. Не довольствуясь сказанным, Ленин плетет фантастическую теорию, согласно которой царскому правительству помешали заключить формальный сепаратный мир с Германией, опасаясь, что это может привести к образованию правительства в составе Милюкова и Гучкова, или даже — Милюкова и Керенского! Ленин считал вероятным заключение тайного, неформального мира с Германией, то есть соглашения в ближайший срок прекратить военные действия, а затем объединиться на мирной конференции, с тем чтобы создать русско-германский союз против Англии. Ленин хорошо понимал, что проверить его построение невозможно, «но во всяком случае, — утверждал он, — оно в тысячу раз больше содержит в себе правды, характеристики того, что есть, чем бесконечные добренькие фразы о мире между теперешними и вообще между буржуазными правительствами на основе отрицания аннексий и т.п.»⁶⁰.

У Ленина этот идеологический бред неудивителен. У Милюкова он был, вероятно, результатом внезапного помрачения, которое можно объяснить напряженностью момента, но простить — нельзя.

Уже после революции, возвращаясь к знаменитой речи, Милюков утверждал, что, по его мнению, ответить скорее следовало — «глупость», а не «измена». Очевидно, у Милюкова под рукой не было текста речи, когда он писал это. Иначе легко убедиться, что по крайней мере в одном из пассажей он говорил, что оплошности правительства вряд ли можно объяснить одной глупостью. Более того, Милюков бесспорно хорошо видел, какой взрывчатой силой отзывается слово «измена», когда в измене обвиняют правительство, это ясно из его суждений на неофициальных партийных совещаниях. И значит, сделав его рефреном своей речи, Милюков стремился подбавить порошу в парламентские методы борьбы, которые он защищал и которые осуждали его более радикальные последователи.

Однако, главная ударная сила была не в повторении самого слова «измена», а в том, что оно стояло в непосредственной близости с именем царицы. Милюков подчеркивал, что при сложившихся обстоятельствах не приходится удивляться тому, что противник находит ободрение в слухах о прусской партии, «которая, как говорят, сплотилась вокруг молодой императрицы». Последнюю фразу Милюков привел по-немецки, сославшись на австрийскую газету «Neue Freie Presse». По уставу Думы, с думской кафедры нельзя было говорить ни на каком другом языке, кроме русского, и председателю следовало немедленно остановить оратора. Но в возбуждении момента Варун-Секрет этого не сделал, почему и лишился поста товарища председателя.

Употребив немецкую речь, Милюков ловко подчеркнул направленный в сторону императрицы намек, задавая тем самым тон последующим заседаниям Думы. Разделаться с отдельными министрами после этого уже ничего не стоило. Вольностью Милюкова воспользовались не только либеральные депутаты, но и консерваторы, и даже крайний реакционер Пуришкевич. Правительство попыталось отразить удар и потребовало у председателя неправленную стенографическую запись милюковской речи, чтобы начать дело против автора, но Родзянко эту просьбу отклонил. Но если правительство получило исправленный вариант речи, то по стране она разошлась в тысячах копий, содержащих антиправительственные выпады, а иногда и с неизвестно откуда взявшимися добавлениями⁶¹.

§ 7. Убийство Распутина.

Штурмовой сигнал Милюкова дал новый импульс усилиям либералов вырвать у царя реформы. Измена, тайные приготовления к сепаратному миру, поддержка, которую сама императрица оказывает «темным силам», — все эти обвинения были подхвачены и громко обсуждались не только политическими деятелями, но всей страной, и даже армией. Эта всеобщая убежденность создала своего рода национальное единство, одно и то же чувство охватило как членов царствующего дома, так и либералов. Для слухов и обвинений фактических данных не было, но их однородность и всепроникающая настойчивость дают основания предполагать существование какого-то одного источника, достаточно авторитетного, чтобы внушать доверие как великосветским, так и либеральным думским кругам.

При последующих поисках этого источника внимание тех, кто защищал память убитой царской семьи, естественно сосредотачивалось на политиканствующих клеветниках. Так, С.С. Ольденбург, сдержанный и добросовестный историк царствования Николая II, прямо обвиняет Гучкова⁶². И Гучков, конечно, приложил все усилия к распространению слухов. Это, однако, не доказывает, что он был их первоисточником: для этого ему недоставало нужного авторитета, кроме того, и это очень важно, все знали, что он личный враг царя и царицы. Более умеренные и хорошо информированные исследователи предполагали, что за всеми этими слухами стоит некая сплоченная организация заговорщиков, вроде масонской. По нашему мнению, более отчетливое понимание может дать анализ событий, предшествовавших убийству Распутина.

Инициатором заговора был молодой князь Феликс Юсупов, наследник самого большого частного состояния России и муж любимой племянницы государя, Ирины, дочери сестры государя, великой княгини Ксении. Юсупов сам описал мотивы своего решения и драматические обстоятельства, заставившие его стать убийцей⁶³. По его словам, он внимательно следил за дебатами, которые разворачивались на ноябрьских заседаниях Думы, а там, более или менее прямо, говорили о государственной измене, особенно сильное впечатление произвела на него речь правого депутата Пуришкевича, который, вслед за Милюковым, объявил существующий режим орудием «темных сил». Юсупов жил тогда в Петрограде один, готовясь к экзамену в Пажеском корпусе и отправке на фронт. Связи Феликса Юсупова были безграничны. Практически в России не было семьи, не было человека, к которому он не мог бы обратиться с личной просьбой. В особенно близких отношениях он был с семьей Родзянко, жена которого дружила с его матерью, Зинаидой Юсуповой.

Может быть Феликс Юсупов и верил — и безусловно хотел заставить поверить нас, — что решение убить Распутина, который, он знал это, был дорог императрице, диктовалось соображениями политики и общим убеждением, что влияние Распутина — пагубно. Но почему, все-таки, именно он решил стать вершителем правосудия, почему взял на себя роль палача, — этого кн. Юсупов не объясняет. Ведь не одно распутинское влияние было пагубно, были и другие, по меньшей мере столь же пагубные, как и влияние Распутина. Решение Юсупова можно было бы понять, если бы он был убежденным террористом. Но террористом он не был. Он придавал своим действиям мистическое, почти ритуальное значение: он устранял не дурного советчика, а существо особой породы, наделенное сверхъестественной силой, существо, которому равных он раньше никогда не встречал. Уничтожение подобного чудовища казалось задачей, достойной имени Юсупова.

Небезынтересно остановиться на том, как вся эта мистика овладела воображением Юсупова. Мы знаем из его собственного повествования, что наибольшее влияние имела на него мать. Мало того, в критические летние месяцы 1916 года именно мать внушала ему в письмах мысль, что существует связь между Распутным и какими-то оккультными немецкими влияниями. Она поощряла его распространять эту идею и внушить ее Родзянко. Когда молодой князь сообщил матери, что «Медведев (т.е. Родзянко) не отдает себе отчета в том, насколько Г. (Распутин) всемогущ, не верит в гипноз и считает все это результатом порока» и т.д., княгиня ответила: «Скажи дяде Мише (снова Родзянко), что ничего нельзя сделать до тех пор, пока «книга» (еще одно обозначение Распутина) не будет уничтожена и Валиде⁶⁴ укрощена. Он должен был потребовать высылки «книги» из столицы. Это необходимо. Однако Медведев не понимает...»⁶⁵

Родзянко, возможно, смотрел на все это скептически, но для широкой публики, и даже для многих великих князей, мнение княгини Юсуповой было чрезвычайно авторитетным: если княгиня, которая так близка к царской семье, верит обвинениям в измене и считает необходимым принять срочные меры к устранению императрицы, то значит — так думали люди — что-то за этим кроется.

Никто не спрашивал, откуда княгиня узнала о прогерманских симпатиях императрицы. Теперь абсолютно ясно, что кн. Юсупова, с 1915 года жившая в Крыму, никаких прямых сведений об этом не имела. Можно задать себе вопрос — как пришла ей в голову мысль о «темных силах»? На этот вопрос, может быть не желая того, ответил Феликс Юсупов. В своих воспоминаниях он подробно описывает то время (1915 год), когда его отец был московским генерал-губернатором⁶⁶.

Он недолго оставался на этом посту. Один человек не мог единолично вести борьбу с немецкой камарильей, занимавшей все важные должности. Считая, что шпионаж и измена господствуют всюду, мой отец принял драконовы меры, чтобы освободить Москву от этого оккультного господства врага. Но большинство министров, обязанных своим положением влиянию Распутина, были германофилами. Они относились в высшей степени враждебно к генерал-губернатору и отменяли все его приказы. Возмущенный систематической оппозицией со стороны правительства, отец уехал в Ставку, где он совещался с царем, с Верховным Главнокомандующим Николаем Николаевичем и с министрами. Говоря без обиняков, он объяснил положение в Москве, указывая на факты и называя виновных. Резкая обличительная речь произвела ошеломляющее впечатление. Никто никогда не смел в присутствии государя поднять голос, нападая на людей, занимающих закрепленные за ними посты. К сожалению, это не привело ни к чему. Германская партия, окружавшая государя, была достаточно сильной, чтобы быстро уничтожить впечатление, произведенное словами генерал-губернатора. По возвращении в Москву отец узнал, что он уволен с должности. Все русские патриоты были возмущены этой мерой и слабостью государя, допустившего ее. Стало явно немыслимым бороться с германским влиянием. Исполненный разочарования, отец отправился с моей матерью в Крым.

Этот мало правдоподобный рассказ о незадачливой карьере старшего князя Юсупова основан, очевидно, на прочно укоренившейся семейной легенде. На самом деле к устранению Юсупова привели не «драконовские меры» против шпионов, а беспорядки в Москве, где толпа грабила дома и магазины, принадлежащие людям с немецкими фамилиями. Совет министров, не устраивавший князя, был тот самый либеральный Совет, сформированный летом 1915 года, многие члены которого получили посты вопреки воле Распутина и императрицы. Из записок Яхонтова совершенно ясно следует, что либеральные министры были против Юсупова, и только Горемыкин настаивал на желании государя сохранить за ним генерал-губернаторство⁶⁷.

Рассказ Феликса Юсупова показывает, как вся эта история терзала его родителей. Наверно, отставка князя гордую и честолюбивую княгиню взбесила больше, чем его самого. Объяснение она могла найти только в интригах некоей воображаемой банды. Этой есть первоисточник обвинений, которыми она осыпала правительство, отвергшее услуги ее мужа.

Но это только начало истории. После отъезда в Крым личные отношения между княгиней Юсуповой и императрицей почти прекратились. Однако летом 1916 года, как известно из мемуаров Феликса Юсупова, она добилась приема у императрицы.

Ее Величество приняла ее холодно, и как только императрица узнала о цели ее посещения, она попросила княгиню покинуть дворец. Моя мать сказала, что не уйдет, пока всего не выскажет. Она говорила долго. Когда она кончила, императрица, слушавшая ее в полном молчании, поднялась и отпустила ее со следующими словами: «Я надеюсь Вас никогда не увидеть»⁶⁸.

Этот инцидент помогает понять, каким образом воображение оскорбленной Зинаиды Юсуповой могло быть в такой степени захвачено легендой (не минующей и императрицу) о связях Распутина с немцами.

Слова императрицы следовало расценивать как опалу, а ведь в течение многих лет княгиня Юсупова блистала при дворе красотой и обаянием. Кто не поймет, какие страсти могло зажечь испытанное унижение в душе привыкшей к успеху женщины. Тем понятнее бешеные инвективы ее писем к сыну и к жене Родзянко. Не следует также забывать, что она располагала мощными средствами, чтобы нанести ответный удар ненавистной «Валиде». Она хорошо знала членов царствующего дома и могла получить поддержку великих князей, а через чету Родзянко — прямой доступ к умеренным думским кругам, которые безусловно поверят всему, что исходит из столь надежного источника. Знаменательно, что первая версия «легенды о сепаратном мире», направленная против правительства, распространилась в сентябре 1915 года, в момент ухода князя Юсупова с поста генерал-губернатора, тогда как вторая версия, затрагивающая императрицу, была пущена в ход вскоре после рокового свидания между императрицей и ее богатейшей, благороднейшей и самой обаятельной подданной⁶⁹. Пущенная сверху клевета вернулась к первоисточнику сильно приукрашенной и усугубленной воображением общества, но с тем только, чтобы окончательно убедить Зинаиду Юсупову в ее правоте и подавить любые колебания или сомнения, которые еще могли у нее быть.

Из переписки Юсуповых видно, что Родзянко нелегко было убедить принять точку зрения княгини Юсуповой относительно пронемецких симпатий императрицы. Тогда как ее сын Феликс решил лично расследовать слухи, касающиеся Распутина. Феликс Юсупов пишет в своих воспоминаниях, что притворные заинтересованность и дружелюбие помогли ему стать частым гостем в доме Распутина. Из его намеренно загадочных слов он вывел, что «старец» сносится с немцами через неких таинственных

людей, которых называет «зелененькими» или «зеленоватыми». Однажды, по словам Юсупова, он стал свидетелем тайной встречи Распутина с семью-восемью сомнительными личностями, встреча происходила в полутемной приемной распутинской квартиры. Некоторые из этих лиц явно были семитского происхождения, прочие принадлежали скорее к нордическому типу. Велись записи и т.д. Следует, очевидно, согласиться с Мельгуновым, который сказал, что лишь крайняя наивность могла вообразить немецкими шпионами людей, которых Юсупов наблюдал при указанных выше обстоятельствах⁷⁰. Тем более что у Распутина в доме он вряд ли, по собственному его признанию, вполне ясно сознавал происходящее. Он был чувствителен к гипнозу, Распутину случалось ввергать его в каталепсию.

Вполне возможно, что именно это вызвало у младшего Юсупова стремление убить гипнотизера⁷¹. Во всяком случае, равнодействующей нервных писем матери и постоянных встреч с Распутиным стала организация убийства «святого старца».

План Юсупова требовал помощников, и он стал искать их как среди политиков, так и в дворцовых кругах. Первым оказался В. Маклаков, лидер правых кадетов и автор на шумевшего опуса о «безумном шофере»⁷². Поняв, что его считают достойной кандидатурой для поисков наемных убийц, Маклаков был ошеломлен. Однако от обсуждения заговора не уклонился, и день убийства ему был известен.

Потом Юсупов заручился поддержкой правого депутата Думы Пуришкевича. Пуришкевич был фигурой колоритной, хотя с политической точки зрения может быть и сомнительной — он возглавлял один из отделов Союза русского народа, патриотической и антисемитской организации, которую поддерживало правительство и которая впоследствии справедливо была названа «протофашистской». Не отличавшийся сдержанностью в словах и поступках, Пуришкевич пользовался славой думского скандалиста⁷³. Когда началась война, он на время отошел от политики, занявшись организацией вспомогательных армейских служб, санитарных поездов, столовых, дезинфекционных пунктов и т.д. В этом смысле он был как бы «общественной организацией» в одном лице — его столовые окрестили «чайными государственным советника Пуришкевича».

Дела нередко приводили Пуришкевича к столкновениям с правительственной администрацией. По характеру они очень напоминали те столкновения, которые так усложняли сотрудничество правительства и общественных организаций. В 1916 г. Пуришкевич присоединился к атаке на правительство, которую вел Прогрессивный блок, внося в нее обычный темперамент своих думских речей. Он не мог не поддаться

искушению, он должен был вместе с Феликсом Юсуповым спасти Россию от «темных сил».

Третьим участником заговора был великий князь Дмитрий Павлович, чье сообщничество не только добавляло блеска всему предприятию, но и значительно убавляло его очевидную рискованность.

Здесь незачем еще раз пересказывать, как именно совершилось убийство, не к чему перебирать чудовищные подробности, нас интересует прежде всего политическое значение факта. Не следует обманываться относительно реального политического влияния Распутина под чарами сложившихся о нем легенд. Важной чертой характера императрицы была потребность в духовном руководителе. У Распутина были предшественники, и если бы все шло по-старому, то появились бы и преемники. И по самому типу мистицизма императрицы эти люди неизбежно оказывались шарлатанами, которые, в большей или меньшей степени, использовали свое влияние в собственных интересах. Положение Распутина невероятно упрочилось благодаря его способности к гипнозу.

Упомянутая способность Распутина облегчать страдания цесаревича несколько не таинственна. Разумеется, гипноз не может изменить состав крови и заставить ее сворачиваться нормально. Хорошо известно, однако, что результатом гипноза может быть сужение сосудов, в этом случае его действие сходно с влиянием адреналина и подобных ему медикаментов. Императрице же вмешательство Распутина казалось чудесным, так же, несомненно, думал и ее муж. Поэтому для них слухи о распутинском разврате имели мало значения. Государь знал, что нравы петроградского общества, в котором вращался Распутин, не слишком высоки, и поэтому случайные грехи «божьего человека» приписывал пагубным влияниям и искушениям столицы, которым трудно сопротивляться простому, но в основе своей здоровому сибирскому мужику. В этих кругах пьянство и разврат были обычным явлением, и если государь терпел подобное у придворных, то преданного друга следовало не более как побранить и усостыжить. Обвинения, которые возводились на Распутина, часто украшало обыкновенное русское вранье, т.е. совершенно особый вид лжи, выворачивающий истинный факт в том именно направлении, которое нужно, чтобы обманываемый непременно этой лжи поверил⁷⁴.

Кроме того, государь не вполне доверял полицейским доносам, прекрасно будучи осведомлен о провокаторской практике полиции и фабрикации фальшивых дел. И тем не менее теперь уверенно можно утверждать, что сведения о дебошах, которые под конец жизни устраивал Распутин, дошли не только до государя, но и до

государыни. Генерал Воейков, бывший дворцовый комендант, писал генералу Спиридовичу, что долг службы вынудил его уведомить царскую чету о содержании полицейских докладов и что это сильно огорчило императрицу и вызвало ее гнев⁷⁵.

Был и еще пункт, который, очевидно, беспокоил государя, — неповрежденность православной веры Распутина. Следует напомнить, что еще в 1912 году, когда Гучков впервые заговорил о Распутине в Думе, слухи о связи Распутина с сибирским сектантством ходили по всей России. Тогда же государь поручил Родзянко выяснить всю правду — верно ли, что Распутин сектант хлыстовского толка, или нет. Примерно в то же время Распутина яростно стали обличать многие православные епископы, которые поддерживали «истинно Божьего человека» и «великого раскаявшегося грешника» в начале его петербургской карьеры.

То, что известно о характере царя и о мистических наклонностях его жены, позволяет думать, что будь доказана предосудительная связь с хлыстами — и отношениям с Распутиным пришел бы конец. Не впервой было царской чете расставаться с «посланником небес», уличенным в неблаговидности земных его дел. Этого, однако, не случилось. И не только потому, что в заключении Родзянко не утверждалось ни «да», ни «нет». В пользу Распутина поступило чрезвычайно авторитетное свидетельство, и с совершенно неожиданной стороны.

Владимир Бонч-Бруевич, несомненный авторитет в вопросах русского сектантства (он выпустил многотомное исследование о сектантах с приложением сектантских духовных книг), торжественно засвидетельствовал религиозную ортодоксальность Распутина. В левом журнале «Современник» было опубликовано его письмо издателю⁷⁶, и оно произвело значительное впечатление не только на широкую общественность, но и на русский епископат⁷⁷.

Бонч-Бруевича, по его утверждению, интересовало только одно — сектант Распутин или нет. Вывод его таков:

Познакомившись с Г.Е. аспутиным-Новым и проведя много времени в ходе семи исчерпывающих с ним разговоров, считаю своим моральным долгом высказать свое мнение по вопросу, является ли Распутин сектантом, тем более, что этот вопрос был затронут, хотя и не прямо, в интерpellации в государственной Думе и в некоторых выступлениях депутатов при обсуждении бюджета св. Синода. Строго ограничиваясь упомянутым выше вопросом, я заявляю, что Григорий Ефимьевич Распутин-Новый является типом православного крестьянина из далекой и отсталой, провинциальной России и не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Будучи более осведомленным о догматической стороне

доктрины православия, чем это наблюдается среди крестьян, и зная Библию и Евангелие значительно хуже, чем большинство сектантов, Григорий Ефимьевич признает все таинства, ритуалы и догмы православной церкви именно так, как они толкуются в православии, без малейших отклонений или критики. Он считает, что было бы чрезвычайно грешно и безнравственно даже обсуждать такие вопросы, ибо, как он сказал мне, «нечего мирянину обсуждать вопросы, установленные самим Господом».

Бонч-Бруевич сообщал, что Распутин чтит иконы, которые, говорит он, «всегда напоминают нам о житиях святых нашей церкви, а в таком напоминании мы, грешные, всегда сильно нуждаемся».

Бонч-Бруевич затем яростно нападает на тех, кто употребляет унижительную кличку «хлысты», оскорбляя раскольников и злословя на таких неповинных людей, как Распутин. Он говорит об

усердных преследователях религиозных диссидентов в России, безнаказанно и безответственно употребляющих это выражение против кого бы то ни было, и особенно против тех, кто выходит из крестьянской среды, кого эти преследователи хотят оскорбить и унижить и подвергать гонениям любой ценой и просто терзать психически и физически, невзирая ни на какие существующие законы, декреты и манифесты о свободе совести.

Бонч-Бруевич завершает свое свидетельство следующими словами:

Исходя из широких личных наблюдений над сектантами и из обстоятельного знакомства с их методами мышления, методами рассуждения, толкования веры, обдумывания и из ряда почти неопределимых подробностей, основываясь на тщательном изучении всего, что до сих пор было написано о Г.Е. Распутине-Новом, включая последнюю брошюру Новоселова⁷⁸, исходя, наконец, из длительных личных собеседований с Распутиным, которые велись в присутствии свидетелей, равно как и строго конфиденциально, при которых я умышленно пытался добиться полной ясности и точности в отношении его религиозных верований, я считаю своим долгом открыто заявить, что Г.Е. Распутин-Новый является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом.

Владимир Бонч-Бруевич, Петербург.

О том, что Распутин держался благодаря разным влиятельным покровителям из сонма «темных сил», писали так много, что стоит освежить в памяти и другой факт — в тот момент, когда «старец» пошатнулся, помог ему друг и соратник Ленина, блестящий поборник прогресса. Что касается выводов Бонч-Бруевича, то они, вероятно, по большей части правильны. Однако он выпустил из своего заключения то, что как будто признал в разговорах с митрополитом Евлогием, — хотя формально Распутин к секте не принадлежал, детство его прошло в тесном общении с сектантами, и это наложило определенный отпечаток на его речь и привычки.

Было бы несправедливо по отношению к Бонч-Бруевичу предположить, что его заключения диктовались соображениями низменного «буржуазного объективизма» или уважением к фактам. Вся его предыдущая деятельность по организации подпольной большевистской прессы, то, что он делал в февральские дни, при Временном правительстве и в первые годы правления большевиков, показывает, что политические соображения были первостепенны в любом поступке, который Бонч-Бруевич считал «своим моральным долгом». В данном случае цель его поручительства вполне ясна. Распутиным пользовались в думских речах, чтобы подорвать престиж престола. Маневр Гучкова, который в качестве предлога воспользовался памфлетом Новоселова, имел исключительный успех. Связь с Распутиным становилась ахиллесовой пятой самодержавия. Но ярость атаки стала беспокоить сторонников режима, и они попытались покрыть ущерб, причиняемый присутствием во дворце «божьего человека». Обвинение в неправославии было мощным и, может быть, единственным средством добиться устранения Распутина. А с его устранением все те, кто только и выискивал, к чему бы прицепиться, чтобы ударить по режиму, лишались самого безотказного оружия. Но в этот момент в дело вмешался (в качестве независимого и вполне объективного ученого) верный друг Ленина, и именно он составил наиболее обстоятельный доклад, в котором говорилось, что обвинения в неправославии, направленные против Распутина, вызваны злобным желанием растоптать «человека из народа», простого крестьянина, который сумел найти доступ к царю. И уловка Бонч-Бруевича, как и во многих других случаях, сработала⁷⁹.

Стоит добавить еще один штрих, показывающий, как тесно смыкались усилия всех тех, кто добивался падения Николая II. В опубликованных посмертно воспоминаниях Гучкова упомянуто, что именно он, Гучков, свел Бонч-Бруевича с Распутиным благодаря посредничеству некоей дамы, которая перед тем предлагала представить Распутина Гучкову.

Встреча состоялась сперва в гостиной этой дамы, а потом в более Конфиденциальной обстановке. Гучков сообщает, что через несколько Недель Бонч-Бруевич написал ему письмо,

в котором он сообщал мне, что пришел к заключению, что Распутин не просто проходимец, нацепивший маску сектанта, а несомненный сектант, что, конечно, не мешает ему быть одновременно и проходимцем. По духу своего учения он близок к секте хлыстов, но не принадлежит к ней и является сектантом одиночкой.

Нам нет надобности прилагать дальнейшие усилия и выяснять, кто прав — Бонч-Бруевич или Гучков. Важно, что на деле вмешательство Бонч-Бруевича сослужило службу антицарской агитации, которая была необходима Гучкову в видах будущей политической карьеры.

Убийцы Распутина, как и те, кто им симпатизировал, полагали, что устранение «старца» обозначит некий важный политический сдвиг. Следующим шагом должно было стать устранение с политической сцены императрицы. Кое-кто рассчитывал, что вызванное убийством потрясение доведет ее до такого отчаяния, что она окончательно сойдет с ума. Иные надеялись на дворцовый переворот, после которого государю будет предъявлен ультиматум: сослать жену в монастырь или в Ливадию. Разумеется, все эти прожекты строились на совершенном непонимании истинного характера отношений царя и царицы. Все, кому была известна их совершенная преданность друг другу, не могли рассчитывать, что государь добровольно согласится расстаться с женой. Эта преданность, выдержавшая после революции высочайшее испытание, не могла быть поколеблена убийством «друга».

Убийство Распутина фактически никак не отразилось на ходе государственных дел. Он никогда не придерживался в своих советах определенной политической линии. Его вмешательство в административную рутину чаще всего было связано с личным фаворитизмом. По общим вопросам он изрекал пророчества, которые можно было толковать как угодно. Его советам не всегда следовали, хотя в чрезвычайно сложной, неуловимой механике царских решений им неизменно отводилось какое-то место⁸⁰. В частности, государь не особенно верил способности Распутина верно судить о людях, однажды он признался в этом жене⁸¹. Не был Распутин и центром какой-либо группы, преследовавшей определенные политические цели. Такая группа, назвать ли ее «черным блоком» или «распутинским кружком», реально никогда не существовала. Это не значит, что вокруг Распутина не вертелись разные темные личности, пытавшиеся

проникнуть во дворец при помощи Вырубовой, близкой подруги императрицы. Но разношерстная толпа, добивавшаяся милостей Вырубовой, не только не была едина, а все там интриговали друг против друга, чтобы выхватить какую-нибудь подачку или пропихнуть своего кандидата на высокую должность. В этих занятиях им нередко случалось валить высоких чиновников, если те стояли у них на пути. Типичен в этом отношении пресловутый кн. Андроников, называвший себя «адъютантом Господа Бога». На вопрос Муравьевской комиссии о занятиях он чистосердечно ответил: «Посещаю министров». Дружбы и протекции Распутина он добился благодаря присущей обоим страсти к политическим интригам и ухе. Эта дружба длилась некоторое время, но потом Андроников поссорился с Распутиным и вскоре был выслан из столицы. Этот же Андроников усиленно интриговал против военного министра Сухомлинова, которому легенды о «темных силах» приписывали содействие немецким шпионам.

Другой скандал был связан с Алексеем Хвостовым («племянником»). Хвостов стал министром внутренних дел благодаря протекции Распутина, но потом пошел против него и попытался организовать убийство «старца». По собственному его признанию, от моральных принципов он был свободен. На Хвостова донес его подчиненный, начальник полицейского ведомства Белецкий, и министр лишился своего поста. Среди правых депутатов Думы Хвостов был один из самых реакционных и наименее разборчивых в средствах, и, кстати, именно он, будучи министром внутренних дел, распускал слухи о связях Распутина с «мировым шпионажем»⁸². Нечего и говорить, что обвинение это совершенно неправдоподобно; если бы у Хвостова были какие-нибудь определенные данные, он передал бы их одному из конкурирующих ведомств контрразведки, и, по всей вероятности, добился бы устранения своего бывшего благодетеля. Однако ничего подобного он не сделал, даже и тогда, когда генерал Спиридович настойчиво просил его об этом.

Намерения могли быть любые, однако реальным и многоважным следствием убийства стало не устранение «пагубного советника», а дальнейшая изоляция государя и тех, кто продолжал верно служить ему. Обращение великих князей, просивших простить убийц, сделало изоляцию почти полной. В ответе своем государь писал: «Никому не дано право заниматься убийством. Знаю, совесть многим не дает покоя. Удивляюсь вашему обращению ко мне». Негодование и недовольство в великокняжеских кругах лишь увеличилось.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

¹ Падение... (см. прим. 6 к гл. 3), том 5, стр. 296, 297.

² Падение..., том 5, стр. 300. — Председателю комиссии пришлось напомнить Челнокову, что комиссия расследует несостоятельность старого, а не нового, послереволюционного правительства.

³ Граве, ук. соч. (см. прим. 6, 7 к главе 1).

⁴ Так называемый «коноваловский съезд», о котором говорилось на заседании Совета министров 18 августа. См. гл. 7, § 4.

⁵ Содержание программы, основными качествами которой были эклектизм и нереалистичность, см.: АРР, XVIII, стр. 109, 110.

П. Н. Милюков. Воспоминания. (1859-1917). Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, том 2, стр. 219, 220.

Парес, ук. соч. (см. прим. 12 к гл. 1), стр. 149, 271-273.

Несмотря на указанные качества, а может быть и благодаря им, правительство не считало программу совершенно неприемлемой. Дума требовала полной амнистии для всех политических заключенных — и это требование стало главным яблоком раздора. Само собой разумелось, что таким образом будут амнистированы и пятеро большевиков членов Думы, которые в феврале 1915 были осуждены за антивоенную пропаганду. Кадеты и правые неохотно пошли на это требование, поддавшись давлению левых, которым приходилось подыгрывать, чтобы не потерять престиж в глазах радикальной интеллигенции.

⁶ Граве, ук. соч., стр. 35 и далее.

⁷ Граве, ук. соч., стр. 46 и далее.

⁸ В конце концов был назначен не Крыжановский, а А.Н. Хвостов.

⁹ См. гл. 5.

¹⁰ СП. Мельгунов. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.

¹¹ Когда Союз городов избрал делегатов для передачи петиции государю, произошел примечательный инцидент. Левое крыло съезда яростно протестовало против кандидатуры Гучкова, напоминая, что в 1907 году он поддержал Столыпина, когда последний распустил Вторую Думу и ввел ретроградную реформу избирательного закона. Эта временная задержка послужила ему уроком, он понял, что прежде чем добиться доверия радикалов, придется искупить кое-какие грехи. Вероятно, этот случай показал ему, что в открытой политической борьбе у него мало шансов на успех и что его настоящая сила — заговор и интрига.

¹² Граве, ук. соч., стр. 59 и далее.

¹³ Б. Пастернак. Доктор Живаго. Париж, 1959. Глава 13, раздел 14.

¹⁴ См. гл. 5, § 1 и примечания.

¹⁵ В этой связи полезно процитировать яркий портрет Бебутова, данный А. Тырковой-Вильямс. («На путях к свободе». Нью-Йорк, 1952, стр. 397 и далее). «Я только что сказала, что среди нас не было провокаторов. Надо внести поправку. Когда революция вскрыла архивы

охранки, мы были очень удивлены, что в ее бумагах нашлось указание на одного агента-provokatora, приставленного к кадетам. Это был князь Бебутов, фигура довольно комическая.

Перед открытием Первой Думы между нами замелькал отставной гвардейский офицер, не то грузин, не то армянин, с характерным кавказским профилем, с не менее характерным кавказским акцентом. При этом масон. Мы, смеясь, спрашивали друг друга, как он к нам попал. Не слишком молодой, но франтоватый, дамский поклонник, малообразованный, по-восточному туповатый, он щеголял резкостью суждений, громко ораторствовал, требуя от партии самых решительных слов и действий. Когда весной 1906 года понадобились деньги на устройство кадетского клуба, Бебутов привез Петрункевичу 10 000 рублей, сумму по тогдашним временам немалую. Злые языки уверяли, что это не его деньги, что он их самовольно взял у своей богатой жены, которая так на него за это рассердилась, что прогнала его. На самом деле, как выяснилось после революции, деньги дала охранка, чтобы ввести Бебутова в кадетские верхи. Он был уверен, что за такой щедрый дар его выберут в ЦК, и просчитался. Его хвастовство, его политическое фанфаронство, необразованность, глупость совсем не подходили к стилю нашего комитета. Чем больше Бебутов старался, оказывал мелкие услуги, делал визиты, принимал у себя, суетился, тем с более насмешливым недоумением его разглядывали.

Раз и я у него побывала. Он держал отличную кухарку. Ужин был на славу. Подали колоссальную индейку, нафаршированную сложнейшим фаршем. Вино было дорогое. Тосты самого зажигательного характера. Но все, переизбыток угощения и переизбыток левизны, было как-то нелепо. В гостиной меня поразили ширмы, оклеенные карикатурами на Николая II. Я спросила Бебутова: «Неужели вы не боитесь, что на вас донесет прислуга, что полиция может прийти с обыском?» Он засмеялся лихим смехом, как молодой корнет, подмигнул мне черным, влажным глазом. Как могла я догадаться, что смеется он надо мной, что полиция отлично знает, чем украшена квартира их агента?

Бебутов прославился еще тем, что, когда бывший член Государственной Думы адвокат Е.И. Кедрин, единственный кадет, исполнивший наказ Выборгского воззвания, отказался платить налоги, и суд постановил продать с аукциона его мебель, первую пущенную в продажу вещь купил Бебутов. Это была дешевая деревянная кустарная пепельница с нелепой длинноносой птицей. Бебутов заплатил за эту птицу 1 000 рублей и сразу покрыл всю сумму взыскания. Неужели и эту тысячу, истраченную ради выполнения Выборгского воззвания, дала ему охранка?

Знаю я еще об одной его провокационной проделке, несравненно более злой. Он издал по-русски за границей толстый иллюстрированный сборник «Последний самодержец», где Николая II осмеивали, опорачивали, принижали. Бебутов хвастал своим участием в этом издании. Мы с простодушным удивлением расспрашивали его, как ему удалось потихоньку ввезти в Россию такую громоздкую, тяжелую книгу, да еще в большом количестве экземпляров? В ответ он опять лукаво подмигивал. А про себя считал нас идиотами. И был прав.

Так продолжалось до самой Февральской революции 1917 года, когда его имя нашли в списках охраны. Бебутов испугался, заметался, пробовал отбросить от себя обвинение. Но документы были налицо. От страха его разбил паралич, и он скоро умер.

Одиннадцать лет, все время существования кадетской партии, провертелся он между нами. А мы, не подозревая, чьим гостеприимством пользуемся, оживленно собирались в кадетском клубе, созданном на счет тайной полиции». О Бебутове см. также главу 5.

¹⁶ С.П. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, стр. 188 и далее.

¹⁷ О Кескюле см. главу 5.

¹⁸ Земан, ук. соч. (см. прим. 28 к гл. 5), стр. 12.

¹⁹ Описание деятельности Кескюлы, основанное на обследовании соответствующих архивов и на интервью с самим Кескюлой, можно найти в уже цитированной книге «Northern Underground». В особенности стр. 119-151. (См. прим. 27 к гл. 5).

²⁰ Манера Мельгунова добиваться у людей точных сведений не всегда была удачна. См. письмо Кусковой, цитируемое Григорием Аронсоном в «Россия накануне революции» (Нью-Йорк, 1962, стр. 138). В подобном же случае, согласно Кусковой, «Мельгунов дошел до истерического состояния, вымогал у меня (пока мы еще были в России) нужные ему данные и заверял меня, что ему «все» известно. Я прекрасно знала, что ему вряд ли что-либо известно... Позднее, в одной из своих книг, он намекал на существование чего-то подобного (т.е. политического масонства)». (Письмо Н.В. Вольскому от 15 ноября 1955 года).

²¹ Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту.

²² Милюков, ук. соч., (см. прим. 5), т. 2, стр. 332, 333.

²³ Е.Д. Кускова, умершая два года спустя, в 1959 году, была одной из наиболее ярких фигур среди русских левых радикалов. Она пятьдесят лет была замужем за экономистом Прокоповичем, и они оба играли важную роль в развитии радикального движения. В социалистической среде они занимали правую позицию, их можно бы назвать русскими «ревизионистами». Во время войны они боролись за демократизацию России. В 1917 году Прокопович вошел во Временное правительство, а когда большевики захватили власть, стал главой подпольного Временного правительства, работая в пользу правительства Керенского, бывшего тогда под арестом. Позже Прокопович и Кускова были высланы из России советским правительством и прожили остальную часть жизни в эмиграции. Оба были известны в русском политическом масонском движении, что явствует из писем Кусковой, написанных в 1955–1957 гг. и опубликованных Григорием Аронсоном.

²⁴ «Союз Освобождения». Подпольная либеральная организация. Ее листок «Освобождение» появился в Штутгарте и издавался П.Б. Струве.

²⁵ Г. Аронсон. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962, стр. 138 и далее.

²⁶ Интересно, какое количество грузов, получаемых Центральным военно-промышленным комитетом из-за границы, когда там работал Маргулиес, поступило через

посредство его коллеги по петроградской адвокатуре М. Козловского, который, в свою очередь, поддерживал тесные «деловые связи» с Фюрстенбергом-Ганецким. См. гл. 5, § 4.

²⁷ Милуков, ук. соч., том 2, стр. 332.

²⁸ Интересно бы выяснить, кто из большевистских лидеров мог принадлежать к масонскому движению. В своей книге, главная ценность которой заключается в публикации писем Е.Д. Кусковой, Аронсон говорит о переписке между Лениным и одним из его сторонников в Москве в течение марта 1914 года. Переписка сохранилась в архивах русской полиции, перехватившей ее. Корреспондент Ленина сообщает, что он установил отношения с известным русским промышленником, «чье влияние можно измерить многими миллионами рублей». Он сообщает Ленину, что по приглашению этого лица — в котором легко можно узнать будущего министра Временного правительства А.И. Коновалова — он намеревается принять участие в тайном обмене информацией и мнениями с рядом либеральных политических деятелей. Ссылаясь на статью в советском историческом журнале «Вопросы истории КПСС» (вып. III и IV, 1957), Аронсон утверждает, что с Лениным переписывался некто Н.А. Яковлев, но Аронсон не знал, что как это письмо, так и ответ Ленина были полностью опубликованы в Москве в 1959 году в № 2 «Исторического Архива». В этом издании прежнее указание на Яковлева, как на корреспондента Ленина, было названо ошибочным, было с достоверностью установлено, что лицом, писавшим Ленину, был на самом деле старый большевик Скворцов-Степанов, бывший в свое время народным комиссаром финансов. В примечаниях к письму говорится об устном сообщении старого большевика Г. Петровского (умершего в 1957 году) о том, что он и Скворцов-Степанов снеслись с Коноваловым в начале 1914 года, хлопоча о деньгах для большевистской партии. Мы не находим никаких доказательств тому, что эти два старых большевика принадлежали к масонской организации, и интересно лишь предположение, что организованные Коноваловым тайные заседания были предвестниками масонского политического движения 1915 года и что обращение Скворцова-Степанова и Петровского к Коновалову было сделано «по-братски».

²⁹ Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. — стр. 143 и далее.

³⁰ Падение..., том 6, стр. 248 и далее.

³¹ Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. — стр. 149 и далее.

³² АРР, VI, стр. 43.

³³ «Последние Новости». Мемуары публиковались серийно в августе-сентябре 1936 года.

³⁴ Падение..., том 6, стр. 279.

³⁵ В русской серии «Economic and Social History of the World War», Yale University Press, New Haven.

³⁶ Коковцов, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 5), том 2, стр. 20, 42-44. Официальный историограф царствования Николая II, С. С. Ольденбург, которого нельзя заподозрить в

сочувствии Гучкову, полагает, что в данном случае нет серьезных оснований обвинять Гучкова. См.: С.С.Ольденбург. Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949, т. 2, часть 3, стр. 89.

³⁷ Беляев, отменивший заказ на английские винтовки, впоследствии эффектно оправдал эту меру перед Муравьевской комиссией. См.: Падение..., т. 2, стр. 209 и далее.

³⁸ Головин, ук. соч. (см. прим. 8 к гл. 3), т. 2, стр. 167 и далее.

³⁹ Шаховской, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 7), стр. 86 и далее.

⁴⁰ Письма императрицы Николаю II от 20, 21 и 23 сентября. — См.: Центрархив. Переписка Николая и Александры Романовых. Изд. А.А. Сергеев. М.-Л., 1923–1927, т. 2, стр. 192.

⁴¹ В.П. Семенников. Монархия перед крушением (1914-1917). Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927, стр. 159, 160.

⁴² Лемке, ук. соч. (см. прим. 4 к гл. 3). — На стр. 470 Лемке говорит о переписке Алексева с Гучковым. На стр. 545 он цитирует телеграмму Гучкова Алексеву. Именно тогда, 14 февраля 1916 года, Лемке стал подозревать, что существует заговор, в котором замешаны Гучков, Коновалов, Крымов и Алексеев. См. также гл. 3.

⁴³ А.И. Деникин. Очерки русской смуты. 5 томов, Париж, 1921–1926, т. 1, часть 1, стр. 37 и далее.

⁴⁴ См. гл. 9, § 1.

⁴⁵ А также петроградский адвокат Маргулиес и его московский коллега М. Мандельштам. О связях Некрасова с Гучковым см. стр. 184.

⁴⁶ См. гл. 1, § 3 и далее.

⁴⁷ Падение..., т. 5, стр. 130. — Показания Родзянко.

⁴⁸ См. гл. 5, § 2.

⁴⁹ Так называли Распутина в письмах друг к другу император и императрица.

⁵⁰ Граве, ук. соч., стр. 76.

⁵¹ Из донесения полковника Мартынова, начальника московского отделения тайной полиции, от 2 ноября 1916 года. — Граве, ук. соч., стр. 146.

⁵² Гурко, ук. соч. (см. прим. 9 к гл. 1), стр. 582.

⁵³ Речь Милюкова была последний раз воспроизведена в печати его политическим противником Резановым. См.: А.С. Резанов. Штурмовой сигнал Милюкова. Париж, 1924.

⁵⁴ Спрашивается, поступил ли председатель Думы, ушедший с заседания в тот же момент и уступивший председательское место своему помощнику Варун-Секрету, вполне честно, сказав, что он уходит, потому что у него сильная простуда?

⁵⁵ Милюков, ук. соч. (см. прим. 5), т. 2, стр. 270.

⁵⁶ 7 августа 1917 года. См.: Падение..., том 6, стр. 370.

⁵⁷ См. гл. 5.

⁵⁸ В Стокгольме тщательно подобранный «суд чести», состоявший из социалистов, собравшихся для подготовки международной социалистической мирной конференции, официально его оправдал. О деле Гримма см.: Gankin and Fisher. *The Bolsheviks and the World War*. pp. 614–629 *passim*; а также: И.Г. Церетели. Воспоминания о февральской революции. Париж и Гаага, 1963, т. 1, стр. 238–270. — Однако Церетели не знал, что в германском министерстве иностранных дел хранится довольно много документов, касающихся неудачной попытки Гримма. Особенно интересен отчет о разговоре Гримма с Карлом Моором. Последний сделал Гримму выговор, сказав, что тот, полусознавшись, поступил, как безответственный мальчишка, вместо того чтобы категорически отрицать всякие контакты с немцами.

⁵⁹ См. гл. 5, § 2.

⁶⁰ В.И. Ленин. Сочинения. Том XIX, стр. 365 (2-е и 3-е изд.).

⁶¹ Через много лет, вспоминая свое выступление, Милюков писал: «Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения... В ближайшем заседании Думы нападение продолжалось. В.В. Шульгин произнес ядовитую и яркую речь — и сделал практические выводы. Осторожнее, но достаточно ясно, поддержал меня В.А. Маклаков. Наши речи были запрещены для печати, но это только усилило их резонанс. В миллионах экземпляров они были размножены на машинках министерств и штабов — и разлетелись по всей стране. За моей речью установилась репутация штурмового сигнала к революции. Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение». — Милюков, ук. соч., т. 2, стр. 277.

⁶² Ольденбург, ук. соч. (см. прим. 36 к наст. главе), т. 3, стр. 215.

⁶³ Цитируется по: Prince Felix Youssouppoff. *Avant l'Exil, 1887–1919*. Paris, 1952.

⁶⁴ Т. е. «великая мать» — так крымские татары обращались к императрице, и это обращение стало насмешливым ее прозвищем.

⁶⁵ Цитируется по: С. Vulliamy. *From the Red Archives*. London, 1929, p. 110.

⁶⁶ Юсупов, у к. соч., стр. 196 и далее.

⁶⁷ См. записки Яхонтова в АРР, XVIII, стр. 28, 39 и далее. Решительно протестовал против того, чтобы кн. Юсупов продолжал оставаться московским генерал-губернатором, министр внутренних дел кн. Щербатов. Отметив, что Юсупов добивается неограниченной власти, он сказал: «Если Юсупову дать просимые полномочия, то Москва фактически ускользнет из рук министерства внутренних дел и превратится в незаконную деспотию». Кривошей его полностью поддержал: «Я нахожу и вменяю себе в обязанность откровенно сказать, что Юсупов достаточно доказал свою абсолютную непригодность не только к генерал-губернаторскому, но вообще ко всякому ответственному посту. У него несомненно мания величия, и в опасной форме. Не будучи еще властелином московским, он уже договаривается с правительством, как с соседней державой...» Государственный контролер Харитонов высказал мнение, что Юсупов «не только нежелателен, но совершенно недопустим» в Москве.

Поливанов полностью согласился и сказал, что государь не знает, что делать с Юсуповым. «Посоветуйте мне, — спрашивал государь Поливанова, — как мне быть с Юсуповым, он не идет ни на какие уступки; попробуйте его образумить и уговорить, напишите ему, и вообще покажите ему больше внимания; это должно на него подействовать». Только Самарин рекомендовал более осторожный подход: «Я должен обратить внимание Совета министров, что Юсупов успел приобрести довольно широкую популярность в московских низах. Его считают непримиримым врагом немцев... Зная Москву, я убежден, что вынужденное удаление Юсупова породит тревожные последствия. Сейчас всякий повод раздувается для целей агитации. Начнут кричать, что правительство играет в руку немцам, удаляя непреклонного борца с немецким шпионажем. Я согласен ... что польза дела требует увольнения Юсупова, но нахожу, что надо устроить ему почетный выход в виде какого-нибудь более высокого назначения». Щербатов согласился и сказал, что речи Юсупова очень нравятся толпе и действуют на простой народ возбуждающе против немецкой крамолы, «которая чудится Юсупову повсюду, чуть ли не в самом Совете министров».

Читая эти записи, невольно вспоминаешь другого московского генерал-губернатора, графа Ростопчина. Призрак его блуждал по залу Совета угрожающим предостережением.

Ирония судьбы заключалась в том (может быть это и не относится к делу), что кн. Юсупов, явившийся на совещание в Ставку, чтобы дать урок русского патриотизма Горемыкину, Кривошеину, Харитонову и Сазонову, считался внуком незаконнорожденного сына прусского короля. (См.: Юсупов, ук. соч., стр. 26).

⁶⁸ Юсупов, ук. соч., стр. 199.

⁶⁹ Сама княгиня давала следующую оценку своим способностям: «Здесь (в Крыму) очень рады, что я не (в Петрограде), так как всем известно, на что бы я была способна, если бы я была там, на месте. Но я просто доведена до белого каления, я горю негодованием и проклиная обстоятельства, в которых я живу и которые связывают меня по рукам и по ногам». (Письмо Феликсу Юсупову, 11 декабря 1916 года, см.: «From the Red Archives», стр. 144).

⁷⁰ Мельгунов. Легенда о сепаратном мире. — Стр. 382. Конечно, после того, что Алексей Хвостов выступил с сенсационным обвинением Распутина в «мировом шпионаже», можно найти извинения для Феликса Юсупова, который считал Распутина шпионом.

⁷¹ Тот, кто испытал на себе гипнотическую силу человека, которого он презирает или боится, становится агрессивен и склонен к убийству. Замечательно подобная реакция описана в маленьком шедевре Томаса Манна «Марио и волшебник».

⁷² См. стр. 185 и далее.

⁷³ А именно, говорят, что он появился в Думе с красной гвоздикой в застёжке брюк.

⁷⁴ Покойный отец Николай Гиббс, который — в качестве господина Сиднея Гиббса — преподавал английский язык наследнику, говорил мне, что однажды в Могилеве видел, как государь вскрывал почту. Царь выбросил одно из писем, не читая его, в корзинку, заметив: «Это еще одно обвинение Григория. Я получаю их каждый день и выбрасываю не читая».

⁷⁵ Это письмо хранится в архиве Спиридовича в Йельском университете. В своей богатой сведениями книге «С Царем и без Царя» (Гельсингфорс, 1936) В.Н. Воейков не упоминает об этих донесениях.

⁷⁶ Како веруеши? По поводу толков о сектантстве Г.Е. Распутина-Нового. — «Современник», № 3, 1912, стр. 356.

⁷⁷ В разговоре с ген. Спиридовичем митр. Евлогий, много лет спустя, упомянул, что этот самый Бонч-Бруевич его лично убеждал, что Распутин никак формально с сектантами не связан. См. запись разговора в архиве Спиридовича в Йельском ун-те.

⁷⁸ Новоселов писал о религиозных вопросах. Он обрушился на Распутина в газете Гучкова «Голос Москвы».

⁷⁹ Я не обнаружил никаких других следов интереса большевиков к Распутину. Стоит, может быть, отметить, что одним из немногих офицеров охраны, взятых впоследствии на работу в ЧК, был некто Комиссаров, руководивший полицейским наблюдением за домом Распутина в последние месяцы его жизни.

⁸⁰ Ольденбург — ук. соч., ч. III, стр. 193 и далее (примечания) — перечисляет ряд случаев, когда советам Распутина не последовали (1915–1916 гг.). Это отнюдь не полный список.

⁸¹ Письмо Николая II от 9 ноября 1916 года. Цитируется Ольденбургом — ук. соч., стр. 194.

⁸² Сомнительную историю разговора Хвостова с И.В. Гессеном и М.А. Сувориным, во время которого Хвостов сболтнул, что «Гришка (Распутин) замешан в мировом шпионаже», можно найти в примечаниях Гессена в АРР, XII, стр. 76-82.

См. также воспоминания и комментарии Спиридовича в: «Великая война», т. II, стр. 50 и далее.